18+

Валерий Киселев

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В АД

Репортажи с войны в Чечне

Валерий Киселев

Добро пожаловать в ад. Репортажи с войны в Чечне

«Издательские решения»

Киселев В. П.

Добро пожаловать в ад. Репортажи с войны в Чечне /
В. П. Киселев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907215-3

Первый тираж этой книги автор раздавал бойцам на позициях летом 2001 года в Аргунском ущелье… Но сначала были сотни встреч с выполнявшими свой воинский долг российскими солдатами и офицерами, местными жителями, оказавшимися в зоне боевых действий в Чечне. Горькая правда о войне в Чечне… Наша общая боль и трагическая память. Уроки, знать и помнить которые, нужно всем и всегда…

ISBN 978-5-44-907215-3

© Киселев В. П.
© Издательские решения

Содержание

Первая кампания 7
1. Москва в день начала чеченской войны 7
2. Первый пленный 9
Обреченные 9
«Наши стоят, копошатся вдали…» 9
Первая встреча с Масхадовым 10
Сразу вспомнили о Боге 10
Сгоревшие солдаты 11
Надежда висела на волоске 11
Они узнали друг друга 12
3. «Только ранен? Ой, спасибо вам…» 13
4. …В мешке – один конверт 14
5. Кое- кто уже поправился 15
6. Кого солдату слушать – маму или командира? 16
7. Солдаты готовы выполнить свой долг 17
8. Иван Скляров: «Надо немедленно остановить войну!» 18
9. Мертвым не нужны права человека 19
10. Чеченский конфликт глазами… 20
«Нижегородской гвардии»… 20
…нижегородского губернатора 20
11. «Играли» мальчики в войну… 22
12. Дважды плененный 24
Счастье – это спецназ 24
О Шамиле и Ермолове только слышали 24
Война кончилась 50 лет назад, и вдруг стреляют 24
Жилин тоже мечтал о побеге 24
Стали дальше выполнять священный долг 25
Между тем приближался новый 1995 год… 25
Постепенно настроение стало меняться 25
Однажды утром он решился 25
О честном слове генерала не знал 25
Через неделю приехала мама 26
Мужского разговора с генералом не получилось 26
Месяц отлежал в госпитале 26
Со справкой в прокуратуре не ждали 26
О том, что было, не жалеет 26
А жизнь висела на волоске 27
13. Праздник с чеченским привкусом 28
14. Чеченский узел, завязанный политиками, рубит армия 29
Моздок, март 1995— го 29
На Сунже все спокойно 29
Дан приказ – ему на Грозный… 30
Позывной Дудаева – «Ялта» 31
Мы многому научились 32
Отцы – командиры 33
«Если раны – небольшой» 33

Жилин и Костылин 34
«Я так давно не видел маму» 34
15. Командировка генерала Кладницкого 36
16. Борис Немцов: «Поставлена логическая точка на участии нижегородцев в чеченском конфликте» 38
17. Приговоренные к смерти 39
18. Возвращение полка 41
19. Кавказские матери ищут русских пленных 43
20. Живым он был нужен России 45
21. Шумиловская бригада стоит насмерть 46
22. Бамутская баллада 48
Конец ознакомительного фрагмента. 50

Добро пожаловать в ад
Репортажи с войны в Чечне

Валерий Киселев

© Валерий Киселев, 2018

ISBN 978-5-4490-7215-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Первая кампания

1. Москва в день начала чеченской войны

В седьмом часу утра 12 декабря 1994-го го на Красной площади ещё не было ни души, на окрестных улицах тоже. Только у Мавзолея жалобно был бездомный пудель. Впечатление было такое, что население оставило город, а неприятельская армия в него ещё не вошла. Первый повстречавшийся прохожий занимался тем, что расклеивал листовки на стенах домов.

Листовка приглашала женщин на митинг протеста, который должен пройти у ВДНХ. Протесты против начавшейся войны в Чечне. К 12 часам времени, начала митинга, Москва окончательно проснулась. На площади перед ВДНХ уже несколько тысяч человек, колышутся красные знамена. Какой же митинг в Москве без Виктора Анпилова – «агитатора, горлана, главаря».

– Англия… Америка… Буржуазия… – заглушает громогласный Анпилов плач Танечки Булановой из ближайшего «комка». Двое мужчин пробираются через толпу с импортным телевизором, только что купленным где-то на выставке. Некоторые старушки с кастрюлями и ложками в руках. Это при трещащих-то от изобилия прилавках московских магазинов. Из облаков боязливо выглядывает «Останкинская игла». В листовке было сказано, что после митинга – поход на Останкино.

В. Анпилов предоставляет слово «национальной героин» СССР – Сажи Умалатовой. Она только что из Чечни, у неё там под гусеницами российских танков погиб отец. Толпа заводится еще больше.

Вот слово берёт дьякон Виктор Пичужкин. Такой безобидный с виду, и фамилия более чем скромная, но сколько же энергии в этом человеке! Ему бы в свое время комиссаром в Чапаевской дивизии вместо Фурманова, а не дьяконом в наши дни. Не дали бы тогда бойцы погибнуть Василию Ивановичу, а как бы обогатился фольклор после его комиссарства!

– Да здравствует Советская власть! – от души восклицает дьякон.

После выступления представителя Украины над площадью несется призыв:

– Слава социалистической Украине!

В. Анпилов предлагает собравшимся быстрей переместиться на Пушкинскую площадь. Несколько пересадок на метро вместе с толпами людей, в основном бойких бабушек. На постамент памятника Пушкину уже взгромоздился Анпилов. Тут же группы людей из «Выбора России»:

– Это наше место! Уходите к себе на Манежную!

В. Боксер строит цепочку из решительно настроенных мужчин, чтобы «красные» не занимали их место, но тщетно, толпа анпиловцев всё прибывает.

Демократы отходят чуть в сторону, появляются трехцветные флаги, лозунги: «Борис, очнись!», «Борис, на сей раз ты не прав!», «Военщина подставила президента». Портреты Б. Ельцина и А. Сахарова, лозунг Демсоюза: «Независимость Чечне!». У «красных» лозунг – «Свободу чеченскому народу!». Тут же несколько групп из чеченской диаспоры, все в новых дубленках, но стоят молча.

Обстановка накалялась с каждой минутой.

– Стрелять, стрелять и стрелять! – рычит мужчина в потертом пальтишке в сторону «красных».

– Я тебя запомнила, демократ проклятый, первого повешу! – кричит женщина с портретом Ленина.

Сцепились две старухи:

– Это вы, коммунисты, во всём виноваты!

– Это вы, демократы, всё развалили!

Обе и наверняка выполняли одни пятилетки, да и пенсии получают одинаковые.

– Я не гражданин, а господин, цедит сквозь зубы мужчина из «новых русских», когда какая-то женщина попросила его посторониться.

– Я Белый дом два раза защищал! – кричит какой- то старик.

– Ну и дурак ты старый! – отвечает ему бойкая бабулька.

Демократы тщетно пытаются организовать здесь свой митинг, но переорать Анпилова невозможно, и они отходят к ступенькам кинотеатра «Россия». Многие из толпы перебегают туда-сюда, чтобы послушать ораторов из обоих лагерей. Оказывается, обе стороны против ввода войск в Чечню, и те и другие осуждают президента.

– Давайте объединимся, если сейчас мы вместе!

– С коммунистами? Ни за что!

– Гай-дар! Гай-дар! – скандируют толпа. Появился Егор Тимурович, что-то говорит сразу в три мегафона, но у Анпилова глотка как лужёная. Выступают один за другим С. Юшенков, К. Боровой, ещё несколько депутатов Госдумы. Все осуждают ввод войск в Чечню.

Появилась Валерия Новодворская, в роскошной шубе, с группой седых мальчиков. И она тоже против решения президента: «Ввод войск в Чечню – это крах демократии в России!».

– На Кавказ хочу ездить отдыхать! – орёт какая-то баба пудиков этак 6—7 весом.

«Красные», услышав выступление Гайдара и Новодворской, напирают всё сильнее и вот уже оттесняют митинг демократов и с площадки перед кинотеатром. Чудом не дошло до схваток, настолько разгорелись страсти.

– Я спрашиваю майора милиции, – говорит Новодворская, – почему вы не разгоняете коммунистов, у них же несанкционированный митинг. Так он мне отвечает: «Мы их боимся!».

Её осторожно, поддерживая за локотки, сводят вниз по лестнице.

– Давайте уйдём, а то опять начнут про жидо-масонский заговор кричать, – говорит она. Вокруг неё суетятся её сторонники: «Лера! Лера! Скорее в машину!».

Анпиловцы берут верх, сопровождая победу разными возгласами. Одна группа затянула «Вставай, проклятьем заклейменный…», другая «Вставай, страна огромная…», но тоже кто в лес, кто по дрова. Ещё час- другой кипели страсти, люди доказывали друг другу, что нельзя было вводить войска в Чечню.

А Александр Сергеевич стоял и грустно смотрел на своих потомков…

2. Первый пленный

Обреченные

Одиннадцатого декабря 1994 года батальон подполковника Виталия Серегина в составе Шумиловского полка оперативного назначения внутренних войск двигался колонной по дороге от Хасавюрта к чеченской границе. Полк, охраняя важные объекты и поддерживая общественный порядок в населенных пунктах вдоль шоссе, должен был обеспечивать ввод в Чечню танкового корпуса генерала Льва Рохлина.

По численности батальон был чуть больше роты – 120 человек. Большинство солдат – молодые, необстрелянные, всего пять дней, как прибыли в Дагестан, собраны из милицейских частей округа. Стрелять, тем более по мирным жителям, к этому солдаты были не готовы психологически.

Командиры боевиков хорошо просчитали ситуацию. Они понимали, что русские солдаты не будут стрелять по женщинам с грудными детьми, окружившим колонну бронетранспортеров. Возможно, боевики знали, что полк получил приказ: «Огонь не открывать!» Дагестанская милиция в это время самоустранилась от конфликта между Чечней и Россией и не мешала боевикам.

У подполковника Серегина было два выхода: пролить кровь мирных жителей или сдаться в плен, надеясь на помощь своих или на политическое разрешение конфликта.

Боевики, прикрываясь толпами женщин и детей, захватили в плен 58 солдат и офицеров батальона, в том числе и подполковника Серегина. Предчувствуя трагический поворот событий, он сделал все, чтобы к боевикам не попало тяжелое оружие его батальона. Успел сообщить о ситуации командиру полка. Тот послал помощь – пропагандиста с громкоговорителем. Он разделил участь своих товарищей.

– То, что мы в этой ситуации не применили оружие на территории Дагестана, было правильным решением, – считает Виталий Серегин, – Если бы мы начали стрелять, против нас поднялись бы все дагестанцы. Это привело бы к расширению конфликта. Чеченцам только этого и надо было, чтобы пролилась кровь.

Но если бы батальон тогда применил оружие, по- другому сложились бы судьба многих его солдат, в том числе и подполковника Серегина…

– Сейчас, в такой же ситуации, на этом же месте, первая моя команда была бы: «Огонь!» – сказал Виталий Серегин.

«Наши стоят, копошатся вдали…»

Тогда, 11 декабря 1994- го, никто не мог представить, что в Чечне начинается настоящая война. Пленных, всех 58 человек, отвели в школу Хасавюрта. Офицеров держали отдельно.

Парадокс ситуации был в том, что чеченцы захватили российских военных на территории Дагестана, неподалеку до границы с Чечней стояли другие подразделения полка. Пленные надеялись на скорую помощь товарищей. Увы…

– В час ночи, откуда ни возьмись, вдруг приезжают корреспонденты ОРТ, Си- Эн- Эн, потом НТВ, – вспоминает Виталий Серегин. – И стали нас снимать, расспрашивать, зачем мы сюда приехали. Мы отвечали, что прибыли охранять важные государственные объекты на территории Дагестана…

Корреспонденты российских телекомпаний быстро примчались на приглашение боевиков снять первых пленных, но никто из них не рассказал о месте их нахождения российскому командованию, чтобы то могло предпринять попытку их освобождения.

– Около шести утра двенадцатого декабря нас подняли. Вижу, на улице стоят две «Волги» и иномарка. Нас, восьмерых офицеров, посадили в машины, – продолжает Виталий Иванович. – Вокруг стояли чеченцы в форме президентской гвардии, увешанные оружием. И повезли нас из Хасавюрта в сторону Чечни по трассе Ростов – Баку. Проехали мимо места, неподалеку от которого находился командный пункт нашего полка. Кто-то нас должен спасти! Наши стоят, копошатся вдали…

Чеченцы совершенно открыто провезли пленных по дороге, вдоль которой недалеко стояли подразделения полка. Никаких наших блокпостов не было. На границе с Чечней стоял дагестанский ОМОН. Милиционеры не проверили кавалькаду машин с вооруженными людьми и спокойно подняли шлагбаум.

Первая встреча с Масхадовым

Через несколько часов пленные российские офицеры оказались в Грозном, на площади Минутка.

– Нас поместили в подвале библиотеки рядом с Домом правительства Чечни, – рассказывает Виталий Серегин. – На следующий день привезли еще одиннадцать человек, экипаж бронетранспортера, который ночью заблудился и «залетел» в Чечню.

К пленным пришел сам Аслан Масхадов, стал расспрашивать кто и откуда. Случайно подполковник Серегин увидел его карту с обозначением дислокации российских войск, готовившихся к походу на Чечню. Потом начали допрашивать прокуроры Чечни: «Зачем вы пришли в Ичкерию?» Завели на пленных дела, сфотографировали.

– И опять приехали корреспонденты – из Египта, Иордании, других стран, кого только не было. С особым удовольствием снимали нас поляки, «братья – славяне», – вспоминает Серегин.

Сразу вспомнили о Боге

А через несколько дней российские войска начали штурм Грозного.

– Кто-то из чеченцев накануне предупредил нас, чтобы мы легли спать на пол. Так и сделали. Начались бомбежки. Все почему-то сразу вспомнили о Боге. За стенкой в подвале стояли ящики с противотанковыми минами. Если бы в наш дом попала бомба, от нас ничего бы не осталось. Видел, как на площадь 31 декабря влетели наши танки и БМП, как они горели. Когда начался бой, дед-чеченец сломал замок в подвале и предложил всем нам уходить. А куда мы пойдем? Везде чеченцы и идет бой. Решили остаться в подвале.

Подвал стал пополняться пленными из Майкопской мотострелковой бригады, которая первой вошла в Грозный вечером 31 декабря.

– За ночь привели двадцать четыре человека, в основном танкистов, – вспоминает Виталий Серегин, – Из них человек шесть-восемь – раненые. У меня был фельдшер, оказал им первую помощь. Одного лейтенанта чеченцы стали допрашивать и он рассказал, что из своего БМП сделал сто выстрелов. Чеченцы вывели его и расстреляли. Был среди пленных штурман вертолета. Тоже расстреляли бы запросто. Мы посоветовали ему говорить так: отказался бомбить и был направлен в наказание в пехоту, так и попал в плен.

Сгоревшие солдаты

Несколько дней относительного затишья, а потом – новый штурм. Пленных в подвале прибавилось.

– В Рождество к нам пришел батюшка, – говорит Серегин. – Спрашиваем его: «За какие грехи мы здесь? Людей не убивали, не калечили». – «Крест божий!» Потом пришли правозащитник Сергей Ковалев, кто- то из «Яблока», похожий на Ленина. Опять снимали на видеокамеру. Правозащитники говорили, что нечего нам было сюда приходить. Кинули нам по пачке сигарет, да и то неполные… Ковалев предлагал подписаться под петицией о прекращении войны. Я отказался.

На следующий день после Рождества пленных вывели на площадь перед дворцом собирать в кучу трупы убитых русских солдат, чтобы их не ели собаки.

– Сгоревшие в БМП солдаты были такими маленькими… – вспоминает Серегин.

Кольцо российских войск вокруг дворца Дудаева сжималось, и пленных перевели в подвал этого здания.

– Здесь нас было семьдесят шесть человек. Из них шестнадцать – офицеры, прапорщики и контрактники. Я был старшим по званию, все меня слушались. Хлеб и воду делили поровну, следил, чтобы раненые поели. Каждую ночь к нам на артиллерийском тягаче приезжали солдатские матери, искали своих сыновей среди пленных и забирали, если находили. Я попросил одну женщину переслать домой записку, что я жив. Отказалась. Потому что я офицер, а не солдат. Зато этот же тягач привозил не только солдатских матерей, но и боеприпасы чеченцам.

Надежда висела на волоске

Семнадцатого января боевики, защищавшие дворец Дудаева, начали одеваться в марлю, готовиться к прорыву. Пленных разделили на группы и заставили нести раненых и убитых чеченцев.

– Мне досталось нести «жмурика». Вышли из дворца – никто не стреляет, – продолжает Серегин. – Ушли за Сунжу. Как можно было не заметить три сотни людей, уходящих из дворца в разных направлениях…

Российские войска заметили прорвавшихся, но поздно. Постреляли вдогонку. Догонять не стали. Еще несколько дней пленные и охрана, а с ними и штаб Масхадова находились в черте Грозного, в какой-то больнице. Там всех пленных солдат разобрали матери. Чеченцы освобождали их тогда охотно. Отпущенные из плена российские солдаты были информационным оружием Мовлади Удугова, этого чеченского Геббельса.

Подполковника Серегина и майора Дедегкаева вскоре отделили от этой группы пленных и они оказались в роте охраны президентской гвардии Дудаева. Чеченцы переезжали с пленными с одного места на другое.

– Видел, как наши вели бой за Аргун. Несколько раз приходилось видеть Масхадова и «товарища» Басаева, – вспоминает Виталий Иванович. – Возили в Шали, Ведено. Здесь нас бил каждый желающий, дней восемь подряд. Отольют водой и снова бьют. Предлагали перейти к ним на службу. Особенно били пацаны 13—15 лет, это настоящие зверьки. Но не так тяжело было физически – дадут пару раз и теряешь сознание, как морально, выслушивать оскорбления.

В боях с российскими войсками таяли отряды боевиков. Казалось, вот- вот свобода.

– Летом девяносто пятого, например, в первом мусульманском батальоне оставалось всего двенадцать человек, во втором – десять, – рассказал Виталий Серегин, – Это были даге-

станцы, кумыки, ногайцы, казахи, узбеки. Оставалась их горсточка. Но наши объявили очередное перемирие и чеченцы стали собирать новые отряды из пацанов, учить их воевать.

Они узнали друг друга

Без девяти дней девять месяцев провел подполковник Виталий Серегин в чеченском плену. Девятнадцатого августа 95— го через посредников чеченцы обменяли его на нужного им человека.

– На следующий день я был в Ханкале, у генерала Романова, – рассказывает Виталий Иванович. – Он обнял меня, расцеловал.

Еще немного – и встреча дома с родными и друзьями.

После возвращения из плена Виталию Серегину по делам службы не раз приходилось бывать в Дагестане, в тех самых местах, где он был взят в плен. Дагестанские милиционеры, не без помощи которых попали в плен российские солдаты и офицеры, теперь радушно улыбались полковнику Серегину. Он пытался найти своих старых знакомых, которые держали его в плену. Одного, это было до начала второй кампании, встретил на границе Чечни с Дагестаном. Чеченец стоял за шлагбаумом и ухмылялся. Они узнали друг друга.

3. «Только ранен? Ой, спасибо вам…»

Январь 1995-го, Дом офицеров Нижегородского гарнизона, комната №26, здесь расположен временный информационный центр, где по телефону можно справиться о судьбе военнослужащих 22- й армии, подразделения которой находятся сейчас в Чечне.

– Центр был создан третьего января, – рассказывает старший офицер отдела воспитательной работы штаба армии А. Яковлев, – по приказу командующего армией генерала Ефремова. Части были подняты по тревоге, поэтому, чтобы не было слухов и чтобы успокоить родителей, и организована «горячая линия».

В сутки раздается несколько десятков звонков, телефон действительно «горячий».

– Вот сегодня до обеда – 24 звонка, – говорит дежурный офицер, – Обращаются к нам родители военнослужащих не только нашей армии, но и частей внутренних войск, ВДВ, погранвойск.

В комнате на стенде – длинный ряд телефонов, по которым надо звонить, чтобы узнать о судьбе сына, у дежурного – списки воинских частей, находящихся в Чечне, раненых. На списке госпиталей, куда направляют раненых в Чечне, насчитал 9 адресов. Одно это уже говорит о масштабе боевых действий.

– Много раненых прибыли на излечение в медсанчасти армии, а 14 человек мы отправили на излечение домой, – рассказывает дежурный офицер. – Сначала были в основном с ожогами и контузией, потому что действовали в бронетехнике, потом – с пулевыми ранениями, и чаще всего в конечности.

Наш разговор прерывает звонок.

– Кемеровская область? Очень плохо слышно! Назовите фамилию сына.

Через несколько секунд дежурный отвечает:

– Ваш сын убыл в Чечню, находится в селе Толстой-Юрт, в боевых действиях не участвует, занимается патрулированием и сопровождением колонн.

По этому телефону звонят со всех концов России, даже из Петропавловска- Камчатского.

– Мамы часто плачут? – спрашиваю дежурного.

– Очень, – отвечает дежурный офицер. – Многие пытаются на нас злость сорвать, многим надо выговориться.

На гневные звонки матерей здесь стандартный ответ: «Мы выполняем приказ Верховного главнокомандующего, президента России, он избран всем народом и, значит, выполняет волю всего народа».

Стало быть, и по воле матерей их сыновья находятся в Чечне…

– Младший сержант Макаров? – переспрашивает дежурный офицер. – У вашего сына сквозное ранение плеча, он госпитализирован. Не плачьте, успокаивает офицер мать солдата.

И тут же мне:

– Скажешь, что их сын ранен, – рады…

Очень часто, однако, оказывается, что сын служит далеко от Чечни и в таких войсках, которые никак не могут быть использованы, но ленится написать домой.

– Вот, например, Васин Николай, – говорит дежурный офицер, – с ноября матери не пишет, хотя служит в ПВО.

А родители с ума сходят от неизвестности.

4. …В мешке – один конверт

По сообщению прессы, все желающие поддержать морально солдат из подразделений Нижегородского гарнизона, проходящих сейчас службу в Чечне, могут написать письма и прислать их в редакцию. В ближайшие дни в Чечню пойдет авиаборт с гуманитарной помощью и почтой.

И много ли, думаете, писем своим землякам написали нижегородцы? Да всего одно. Это от полуторамиллионного города. Чем это объяснять, не беремся сказать, равнодушием ли, или тем, что жалко денег на конверт.

В годы Великой Отечественной, если вспомнить, девушки писали нашим солдатам гораздо чаще.

5. Кое- кто уже поправился

В гарнизонном военном госпитале сейчас на лечении 9 военнослужащих, выполнявших свой долг в Чечне. Причем ранен из них только один, остальные попали с обморожениями и воспалениями легких.

Всего же из подразделений Нижегородского гарнизона, принимающих участие в операциях в районе Грозного, ранения получили 54 человека, в основном средней тяжести. Часть из них, 14 человек, уже отправлены на побывку домой.

6. Кого солдату слушать – маму или командира?

Дом архитектора, актовый зал, сюда по приглашению клуба «Гражданская инициатива» пришли родители солдат, чтобы создать в Нижнем Новгороде комитет солдатских матерей.

Родители надеялись получить какую-то практическую помощь: как узнать о судьбе сына, что делать, если он уже ранен, однако депутат областного законодательного собрания, председатель комитета по правовой политике С. Сперанский сказал откровенно:

– Вас здесь собрали, чтобы вы сами смогли решать свои проблемы.

Зачем же тогда, спрашивается, мы выбирали депутатов, зачем власть вообще, если матери должны сами решать проблемы, которые государство им создало?

Попытка зачитать какую-то резолюцию на имя президента России вызвала гневные реплики:

– Да он не может проспаться, ваш президент!

– Сейчас будут забирать всех подряд, не смотря на болезни! У меня ребенка с тремя сотрясениями мозга взяли!

Когда консультант по работе с военнослужащими областного законодательного собрания Ю. Новиков предложил, было обсудить вопрос, как надо готовить молодежь к армии, из зала закричали:

– Надо детей оттуда вернуть, а не нас воспитывать! На нашу страну никто не напал! Они не только детей, а и нас убивают, будущее наше убивают!

Когда матери высказались и отвели душу, желающим работать в комитете солдатских матерей было предложено поднять руки. Таких оказалось всего семь человек.

В зале находились представители облвоенкомата и гарнизона, которые много могли бы рассказать, но слова им никто не предоставил.

7. Солдаты готовы выполнить свой долг

Штаб Нижегородского гарнизона, короткий разговор с Н. Прозоровым, старшим офицером по связи с общественностью, который только что вернулся из Чечни:

– Сводный полк туда был отправлен 15 января. Все солдаты прошли боевую дополнительную подготовку, нет ни одного первого года службы. Укомплектованность до штата, техника и вооружение тоже полностью, с собой везли даже дрова. Наша часть после выгрузки находится в районе сосредоточения, в боевых действиях в Грозном до моего отъезда участия не принимала. Солдаты живут в палатках, питание отличное, сколько хочешь, обмундирование теплое. Каждый знает свою задачу и общую цель операции. Моральное состояние хорошее. Случаев обморожения в полку нет, нервно – психических срывов – тоже, очень жесткий контроль командиров за гигиеной. Когда мы туда входили, население встречало нас в целом дружелюбно, особенно когда ехали эшелоном по Ставропольскому краю. Противник явно почувствовал: идет сила. Хотел бы успокоить родителей: у нас опытные командиры и хорошо обученные солдаты, все они готовы выполнить свой долг.

Итак, если многие родители хотели бы как можно скорее вернуть своих сыновей, сами они готовы слушать своих командиров и выполнять приказы.

Но помощь нашим солдатам все же нужна. Они рады будут получить от земляков домашние консервы, сладости, сигареты. А посылки можно приносить на Нижневолжскую набережную, в красные казармы. Оттуда они будут направлены по назначению.

8. Иван Скляров: «Надо немедленно остановить войну!»

Вот что рассказал об этой поездке И. Скляров:

– Побывали мы в Хасавюртовском районе Дагестана, где Шумиловский полк сдерживает группировку боевиков Дудаева, численностью до 7 тысяч человек, в Северной Осетии, подъезжали и на 30 километров к Грозному. В Моздоке встречались с Грачевым, Ериным и Степашиным. На месте ознакомились с жизнью наших солдат. Сколько там сейчас нижегородцев, никто точно не скажет, потому, что подразделения переброшены со всей России, даже с Дальнего Востока. В Моздоке видели, как идет перегрузка убитых и раненых, впечатление, конечно, осталось тяжелое. Шумиловский полк располагается в поле, люди живут в землянках, по 15 человек. Настроение у солдат нормальное, но очень много больных. Подаркам от земляков все обрадовались. Осталось впечатление, что внутренние войска организованы лучше, чем армия. Вручили наиболее отличившимся 20 наручных часов, как раз в это время вручали в полку правительственные награды – 4 ордена и 13 медалей.

Много неразберихи, а ее не должно быть, угнетает и большая гибель солдат. Очень много беженцев, в Хасавюртовском районе их до 150 тысяч. На встрече с Грачевым мы заявили ему, что быстрее должны решаться вопросы снабжения, особенно лекарствами, замены войск.

В целом же обстановка в Чечне очень серьезная, и чувствуется, что это надолго. Нужна переоценка действий правительства. Надо спрашивать с правительства: почему военные действия начались без должной подготовки? Солдаты вообще не понимают, зачем они там. Главная задача сейчас – остановить войну любыми средствами.

Ночью была у нас встреча с полевыми командирами чеченцев, обсуждали вопрос о возвращении наших солдат, взятых в заложники, их 18 человек. Это дело осложняется тем, что все они раскиданы по разным населенным пунктам. Но все же чеченские командиры обещали разрешить этот вопрос.

Все мы должны понять: в Чечне идет самая настоящая война, без всяких прикрас.

9. Мертвым не нужны права человека

В Чечне побывали С. Дмитриевский и И. Каляпин, которые находились там в качестве наблюдателей от нижегородской организации Международного общества прав человека. Вот что рассказали они вашему корреспонденту.

– Какова была цель вашей поездки?

– Мы хотели уяснить, были ли основания для ввода войск в Чечню, в каком положении находятся там военнопленные федеральных войск и как поступает туда гуманитарная помощь. В Чечне мы были 5 дней, из них 3 дня в Грозном, в расположении чеченских ополченцев. Ходили везде свободно, где хотели.

– Какие у вас самые яркие впечатления от этой поездки?

– Прежде всего, мы испытали шок от сталинградской панорамы Грозного. Город – как после ядерной бомбардировки, многие дома в развалинах, кругом остатки реклам, на улицах то и дело попадаются хвосты ракет. Чеченцы показывали нам шариковые и игольчатые бомбы. И в те дни, когда мы были – это 18, 19 и 20 января, – город подвергался интенсивному беспорядочному обстрелу из всех видов оружия.

– Вы видели пленных российских солдат?

– В общей сложности около пятидесяти человек. Говорили со многими из них. Жалоб на плохое обращение со стороны чеченцев не было. Разговаривали с нашими земляками, подполковником и майором, документы майора привезли, это Афонин Вячеслав Сергеевич, воинская часть 3671, Богородск, передадим их его жене. Находятся пленные в районе площади Минутки. Среди них есть раненые, много контуженных. Говорили долго с одним старшим лейтенантом из Новокузнецка. Он написал матери письмо, в котором в конце добавил: «Мама, берегись бомбежки». Многие пленные в шоке…

– Какова, на ваш взгляд, степень боеспособности чеченцев?

– У них кадровые командиры, все настроены воевать до последнего. Думаем, что и сейчас чеченцы контролируют около половины города. Сплошного фронта там нет. В Грозном, нам сказали, действует постоянно не более тысячи ополченцев.

– Вы были и в сельском районе, там тоже все с оружием?

– С оружием примерно 80 процентов чеченцев, автомат у них уже как часть национального костюма.

– Как сами чеченцы относятся к Дудаеву?

– Его поддерживают примерно половина населения. Многие ругают за мясорубку, которая происходит в Грозном, другие говорят, что Дудаева чеченцам сам Аллах послал. Мы почувствовали, что защищают там не столько Дудаева, сколько свои дома. К русским там отношение в целом нормальное. Но Ельцин для них теперь – второй Сталин.

– На ваш взгляд, когда там все закончится?

– Прогноз у нас самый мрачный. Победить чеченцев невозможно.

– Вы видели гуманитарную помощь?

– В Грозном – нет. Она вся прибывает в Моздок.

10. Чеченский конфликт глазами…

«Нижегородской гвардии»…

Из командировки в Чечню вернулся отряд «Нижегородской гвардии» (так называется подразделение ОМОНа УВД), который нес там в течение 45 суток службу по охране шоссе Беслан – Грозный. Пять человек из этого отряда встретились с представителями нижегородской прессы, рассказали подробности командировки, а также выразили свою точку зрения на происходящие там события. На всякий случай мы опускаем фамилии этих парней, тем более что говорили они, дополняя друг друга.

– На шоссе Беслан – Грозный всего 19 застав, мы несли службу на трех, ближайшая к Грозному – в двух километрах. Обеспечивали продвижение колонн с продовольствием, боеприпасами, техникой.

– Стрелять приходилось каждую ночь. Но первыми огонь мы никогда не открывали. Палили по нам с 800, 600 и даже с 200 метров.

– Отряд во время этой командировки убитых не имел, но ранен был командир, подполковник А. Васильев. Ранили его из проходящих «Жигулей», автоматной очередью.

– Наше присутствие помогло сохранить жизни многих солдат и беженцев. Часто можно было слышать: «Ребята, быстрее расправьтесь с Дудаевым». Говорили это не только русские, но и ингуши, и осетины.

– С первым сопротивлением мы столкнулись еще в Назрани. Там горели грузовики, были толпы людей, вперед боевики запускали женщин и детей.

– Нашу авиацию мы видели только один раз – пролетала пара самолетов, а так обычно вертолеты.

– Средства массовой информации события в Чечне освещают необъективно, только с точки зрения чеченцев. Почему никто не призывает к милосердию, к нашим солдатам?

– Моральный дух наших солдат очень высокий. Многие плохо обучены, это правда. Десантники и морская пехота действовать не умеют, были случаи, когда у них чеченцы отбирали оружие.

– То, что комитеты солдатских матерей приезжают в Чечню, чтобы забрать своих детей, свидетельствует о слабости нации. Это пресса во многом виновата, что так упал престиж армии. Пресса часто берет непроверенную информацию. Мы еще только в Ростов прибыли, а уже пошли слухи, что мы в плену.

– К миссии депутатов Госдумы относимся отрицательно, они зарабатывают себе политический капитал. Сергей Ковалев больше жалеет чеченцев, чем русских солдат.

– Мы не знаем, почему армия Дудаева оказалась такой сильной…

– Мы были желанные гости в каждом доме, мы не воевали с народом.

Эти бойцы и командиры «Нижегородской гвардии» убеждены, что они находились на территории России. То есть Чечня – это сначала Россия, а потом уже Чечня, и чеченцы обязаны выполнять, прежде всего, законы России, а потом уже жить по своим обычаям.

…нижегородского губернатора

Б. Немцов вместе с делегацией из Нижнего Новгорода побывал в расположении Шумиловского полка внутренних войск на границе с Дагестаном, встречался в Моздоке с Грачевым, Ериным и Степашиным. Беседовал со многими официальными лицами, солдатами, беженцами.

– Моральный дух наших солдат действительно высокий. Молодые солдаты не приспособлены к жизни в полевых условиях. Много больных, есть педикулез. Правда, с медикаментами очень плохо, нет даже аспирина, а чистое белье привозят уже со вшами.

У Дудаева не бандформирования, а профессиональная армия, которую возглавляют выдающиеся по своим боевым качествам командиры. Это армия жестокая и хладнокровная. Много наемников, в том числе и русских. Есть и бандиты, выпущенные из тюрем, им нечего терять. Армия Дудаева отлично вооружена.

Этот конфликт отчетливо показал, что нашей армии нужна реформа. Но я против того, чтобы Генеральный штаб выводить из подчинения министра обороны.

Надо немедленно изменить призывной возраст: в 18 лет солдаты еще дети.

Главная опасность – в «афганизации» конфликта. В Чечню надо послать генерал-губернатора, найти бы такого, как Ермолов. Этот человек не должен быть участником боевых действий, он должен быть из тех, кто против войны. У нас, к сожалению, летчика посылают на реформы сельского хозяйства, а бывшего председателя колхоза – руководить бомбардировкой города. Грачеву надо дать возможность довести военную операцию до конца, а потом уже разбираться, как попало оружие к Дудаеву. А вообще надо было там блокировать дороги, запустить «Альфу», чтобы она взяла Дудаева, и обойтись без войны. Ввод войск был авантюрой, ошибкой. С Дудаевым требовалось разобраться еще в 1991 году. А теперь всем нам придется участвовать в восстановлении хозяйства Чечни.

11. «Играли» мальчики в войну…

Нижегородский гарнизонный военный госпиталь. Здесь на лечении находятся 9 военнослужащих, пострадавших в Чечне. Полковник И. Курилов, начальник медицинского госпиталя, коротко рассказывает о состоянии здоровья каждого солдата.

Четверо из них служат в Шумиловском оперативном полку внутренних войск, остальные – армейцы. С осколочно-пулевыми ранениями – двое, десантники, у остальных – обморожения ног, флегмона, реактивный полиартрит, сотрясение мозга, воспаление легких. Состояние у всех сейчас удовлетворительное, в госпитале им уделяют повышенное внимание.

Попросил разрешения поговорить с ранеными десантниками. Представить их в форме и с оружием в руках трудно – на вид совсем мальчишки, таких много в 8-9- х классах. Даже еще не бреются, наверное. Только глаза уже как у много повидавших мужчин.

Игорь Н., рядовой, Псковская воздушно-десантная дивизия, призван 10 января 1994 года, воинская специальность – гранатометчик:

– Только из гранатомета я ни разу не стрелял, некуда было, как пошли потери, мне автомат дали. Вылетели мы 30 ноября в Беслан, рота была укомплектована по штату, 53 человека. Половина солдат прослужили всего полгода. Командиры взводов только что из военных училищ. Первый бой у нас был 28 декабря, со спецназом Дудаева. Из роты потеряли двоих убитыми и человек пять-шесть ранеными, Новый год встречали у Грозного на горящей нефтебазе. Потом были на центральном рынке, там нас своя артиллерия накрыла, четверых ранило. С железнодорожного вокзала духи угнали 10 наших танков и сожгли много…

Ребята при разговоре ни разу не сказали «чеченцы», только «духи»…

– Как объясняли вам командиры политические цели операции?

– О политике с нами вообще не говорили. Сказали, что наша главная цель – выжить. На центральном рынке батальон наш окружили. Пехота должна была занять здание вокруг рынка, но солдаты водки напоролись и бросили нас. У нас тогда снайперы убили из взвода троих. Командир взвода был ранен в ноги, а другому сильно обожгло глаза. Бомбили нас и обстреливали из орудий постоянно, часто, наверное, и свои.

– Как вас там кормили, Игорь?

– А там же полно магазинов и ларьков, все брошено, – и осекся: – Сухпай давали на 2—3 суток, горячее – иногда.

– Где вы спали?

– В подвале, в спальных мешках.

– Почему так много обмороженных?

– Ноги все время сырые в сапогах, сушить негде.

– А запасных портянок разве не было?

– Не было, не выдавали.

– При каких обстоятельствах ты был ранен?

– Седьмого января мы танк охраняли, и снаряд попал в башню, наши по нам стреляли, не было слаженности. Четверых ранило, меня осколком в ногу. В медсанбат сходил, там перевязали, потом нога стала отекать, и командир отправил в медсанбат. Ехали на броне, и БМД (боевая машина десанта. – В. К.) перевернулась в овраге. Один парень сразу умер, а мне еще палец на ноге сломало.

Олег С., Тульская воздушно-десантная дивизия, старший стрелок, до отправки в Чечню прослужил 5 месяцев:

– Из Тулы в Рязань прибыли своим ходом, оттуда на «Руслане» – в Моздок, там мы были 30 ноября. Несколько дней готовились – стреляли, бросали гранаты, тактикой занимались в поле. Сказали, что мы будем только блокировать город. В роте было 6 БМД и человек 50

—55. Когда пошли колонной, попали под обстрел «Градов», в полку у нас тогда погибли 6 человек и 13 ранены, 2 БМД разбило. Встали 18 декабря под Долинской, окапались. Там нас опять «Градом» накрыло, и пулеметчики сильно обстреливали. В нашей роте было трое убитых и пятеро раненых, а в восьмой из 44 человек осталось 11, их духи в одном доме гранатами закидали.

– Олег, как ты оцениваешь боевую подготовку дудаевцев?

– Они не боятся открытого боя, и все старше нас. Мне еще повезло, что я служил в разведроте, хорошо был подготовлен, а другие у нас были сильно истощены и изнурены, их даже на операции не брали. Это, когда мы дома от духов очищали, квартиру за квартирой. Ночь их выбиваем, а днем обороняемся.

– А местных жителей там много было?

– Много, и все русские, кто не смог раньше уйти. Из- за этого и пострадали многие. Когда берешь дом, даешь очередь в комнату, а потом смотришь – бабушка с дедушкой мертвые лежат…

– Можешь ли ты точно сказать, что убил кого-нибудь из дудаевцев?

– Пятерых. Я из «ночника» (прибор ночного видения. – В. К.) стрелял на поражение.

– А как ты был ранен?

– Мы были в боевом охранении у моста, ночью идет кто- то в белом маскхалате, я дал очередь, он упал, а других не заметил, мне и попали в руку.

– Вы все время были в бронежилетах?

– Никакого толка от них нет. Я свой повесил на дерево испытать – из моего автомата, АКС, только вмятина, а у духов АК- 47 – насквозь пробивает, вместе с телом.

– После всего пережитого, какие чувства у вас к чеченцам? Ненависть?

– Конечно, – оба в один голос.

– А согласились бы снова туда?

– Не знаем…

Эти мальчишки, похоже, в войну наигрались досыта.

12. Дважды плененный

События на Северном Кавказе дают такие сюжеты, что романистам, пожалуй, ничего не надо будет придумывать: записывай рассказы, например, российских солдат, участвовавших в чеченской войне, вот вам и роман с кипением человеческих страстей. Мой сегодняшний собеседник – солдат, которого угораздило дважды попасть в плен к чеченцам. Он рассказал о своих приключениях с единственной просьбой: не называть фамилию.

Счастье – это спецназ

– В армию был призван весной 1994— го, служить пошел охотно, гордился, что попал в элитную часть. В августе того же года часть перебросили в Дагестан. Занимались в поле боевой подготовкой, немножко стреляли, охраняли КПП и мосты. Втягивались в армейскую жизнь, служба шла хорошо.

О Шамиле и Ермолове только слышали

– Что происходит в Чечне, не знали, представления не имели. Один раз командир роты пытался что-то объяснить, но было непонятно. Чувствовали, что обстановка нагнетается. Все было непонятно, какой-то хаос, неразбериха. Окопы роем – женщины из соседних сел приходят, не дают копать.

Война кончилась 50 лет назад, и вдруг стреляют

– Можно было уйти, если бы действовали тактически грамотно. Когда нашу колонну окружила толпа, тысячи две чеченцев, командиры растерялись, в этой обстановке у нас стали отбирать оружие. Побили немного, не без этого. Думали – на клочки разорвут. Это сейчас понимаешь, что надо было закрыться в бронетранспортерах и уехать. Но мы и так троих тогда задавили из толпы. Захватили нас больше пятидесяти человек. Развели по домам, по 2- 3 человека, и стали объяснять, что происходит в России. Запомнил слова одного чеченского командира: «Вас сюда Борька послал, а сам с гайморитом в больницу лег». Посадили смотреть телевизор. Диктор «Вестей» говорит, что информация о захвате большой группы пленных не подтвердилась, это провокация дудаевцев. Но мы же в плену! Чеченцы вокруг нас были от 14 лет и до бородатых. Почти все вооружены: от израильских автоматов «Узи» до самопалов.

Жилин тоже мечтал о побеге

– В принципе, можно было бежать, охраны не было. Но в какой стороне свои? Сначала мы не знали даже приблизительно, где находимся, в Дагестане или в Чечне. Не обижали, кормили, работать не заставляли. Они не знали, что с нами делать. Чем занимались? Смотрели телевизор, разговаривали, спали. Женщины смотрели на нас с жалостью, хотя знали, что мы к ним пришли не для того, чтобы защищать их. Через некоторое время с помощью посредников из правительства Дагестана больше половины, захваченных в плен российских солдат чеченцы вернули. На каких условиях – никто из нас не знал.

Стали дальше выполнять священный долг

– Свои встретили нормально, никто из офицеров не ругался, что мы вернулись без оружия. А отобрали у нас тогда чеченцы много: 4 бронетранспортера, в каждом из них было около десятка «мух», 2 гранатомета, много боеприпасов к ним. Люди из ФСБ Дагестана записали наши показания, и все. Потом в части нам выдали новые стволы.

Между тем приближался новый 1995 год…

– Встречали мы его в засаде у дороги, по которой, как нам сказали, должен будет бежать Дудаев. Сказали, что наша морская пехота взяла Грозный, а мы должны ловить тех, кто оттуда побежит. Приказ – решетить все машины, которые не останавливаются.

Постепенно настроение стало меняться

– В пример нам приводили вертолетчиков, которые без приказа подняли свои машины и расстреляли ракетами какое-то село, откуда их обстреляли. Вспомнил семью «бандита», у которого меня держали: своих 10 человек детей, да еще 30 беженцев. Вспомнил 15- летнего пацана, у которого наши убили родителей. Бросалось в глаза: это не та война, в которой стоило бы отдать свою жизнь. Погибнуть за дело, которое никому не нужно? Все больше стал думать, что нашими руками здесь разжигают войну. Так надоело быть пешкой в чьей-то игре… Мы сидели в круговой обороне и обороняли сами себя. А грязь в лагере была такая, что даже утренние построения отменили. Ни «подъема», ни «отбоя», свободен – спи, если найдешь место. Большинство из нас так ничего и не понимали, зачем мы здесь? Помню, как один солдат спросил офицера: «А мы за Дудаева или за оппозицию?» Это уже дома я узнал, что чеченцы грабили поезда на железной дороге, русских изгоняли, фальшивые деньги делали, нефть сосали из проходящих нефтепроводов.

Однажды утром он решился

– Оставил ствол и боеприпасы в роте и ушел из лагеря. Направление держал на Кизляр, к железной дороге. Прошел километров десять, кругами, два раза возвращался на одно и то же место. О том, что поймают свои или чеченцы, тогда не думал. Вечером вышел на трассу. Навстречу автомашина, ВАЗ- 2106, с чеченцами. «Куда?» – «Домой». – «Садись, довезем». – «Смотря куда». Из окна автомашины показался ствол. Привезли меня в какой- то штаб. Там меня узнал один из чеченских командиров: «А ты разве не дома?» – «Почему я должен быть дома?» – «Мы вас же тогда отпустили под честное слово вашего генерала, что всех вас, кто попал в плен, отправят в Россию».

О честном слове генерала не знал

– Начали возить меня по селам, как экспонат. Лопочут что-то по-своему. Иногда говорили по- русски: «Завтра тебе хана, расстреляем». – «Ну, хана, так хана». Попал к другим – предлагают воевать против русских: «Мы тебе такое оружие дадим, какое ты еще не видел». – «Нет, ребята, если я не стал в вас стрелять, то в своих не буду и тем более». Потом сказали: «Завтра к мулле поедем, в мусульманство тебя будем принимать». Люди вокруг меня менялись постоянно. В одном из штабов снова встретил чеченца, который нас из первого плена отпускал. «Теперь, – говорит, – я тебя командирам не отдам, только матери».

Через неделю приехала мама

– В части по отношению меня было возбуждено уголовное дело. Светил дисбат. Потом пришла бумага, что в связи с 50-летием Победы мне положена амнистия. Но преступником я себя не считал, поэтому, зачем мне амнистия? Поехал в полк, там мне сказали, что здесь я не нужен, езжай в округ. Там сказали – езжай в полк. Потом встретился с генералом, он предложил мне поговорить по- мужски. Стал мне говорить, какие они хорошие и какой я плохой.

Мужского разговора с генералом не получилось

– «Не знаю, – говорит, – что делать с тобой. – Форма у тебя где?» – «Чеченцы переодели». – «Ищи форму». Бесполезно было ему объяснять, почему я ушел из полка. Для генерала я был робот, недоумок. Удивился, почему он меня не арестовал. Решил съездить в Москву, в главную военную прокуратуру. Там сняли показания и отправили на сборный пункт, в Лефортовские казармы. И там, что со мной делать не знают. «А давай, – говорят, – мы тебя в психбольницу положим?»

Месяц отлежал в госпитале

– Это называется реабилитацией. Лекарств никаких не давали, просто отдыхал. Дали справку, что из-за депрессии нарушено психическое состояние, чтобы по ней уголовное дело можно было закрыть.

Со справкой в прокуратуре не ждали

– Военный прокурор написал командиру части, чтобы меня уволили в трехдневный срок, а уголовное дело в отношении меня прекращено. В военном билете на записи, что я находился в Чечне в боевых условиях, наискось написали, что она сделана ошибочно, а на другом листке написали, что я самовольно оставил воинскую часть в Чечне во время боевых действий и что в отношении меня возбуждено уголовное дело. Отметок о плене не поставили. В общем – сами запутались в этих записях.

О том, что было, не жалеет

– Есть чувство неловкости перед товарищами, понимаю их осуждение. Но я понимаю что-то такое, чего не понимают они. Если бы остался, кто знает, что было бы дальше. Пришлось бы стрелять в людей, не видя в них врагов. Знаю парней, которые вернулись оттуда с чувством ненависти. Но кто заставил их ненавидеть чеченцев, а чеченцев ненавидеть нас? От многих слышал, что это бандитское племя, и они понимают только язык выстрелов. Меня же удивило, что чеченцы очень образованные люди, с высоким интеллектом. Понравились их традиции: уважение к отцу, матери, старшим. Многие чеченцы и не хотели выходить из России, это сейчас они говорят, что лучше погибнем, чем будем жить под Россией. Можно было найти компромисс в самом начале конфликта, если бы не амбиции. Обидно, что наш полк должен был быть гарантом безопасности, а стал одним из винтиков машины, которая провоцирует конфликт. Хотелось, когда уходил, совершить поступок, показать, что я против всего этого. Не думал, что совершаю воинское преступление, хотелось почувствовать себя человеком. Обидно было, что с тобой поступают, как с бараном, ничего не объясняя и не спрашивая, и тем более заставляют

исполнять приказы, спекулируя на чувстве воинского долга. По сути, нашими руками и кровью правительство исправляет наши ошибки.

А жизнь висела на волоске

– Тогда об этом не думал. Это сейчас понимаешь, что первый же чеченец мог бы пристрелить, потому что я был в форме. Зато много узнал, когда попал между молотом и наковальней. Если бы тогда ушла рота или весь полк – было бы лучше: правительство бы задумалось. А офицеров я понимаю, что не протестуют, выполняя чисто полицейские функции и стреляя в народ. Им даже застрелиться нельзя: дома дети, жена без работы и квартиры нет. Кто в случае чего позаботится? Вот и пришлось выполнять приказы, от которых иной раз вреда больше, чем пользы.

13. Праздник с чеченским привкусом

В расположении одной из танковых частей побывали губернатор области Б. Немцов, начальник Нижегородского гарнизона И. Ефремов и заместитель губернатора по делам военнослужащих генерал Л. Павлов. В солдатской чайной они встретились с военнослужащими, вернувшимися из зоны конфликта в Чечне.

Их около 40 человек, вчерашних мальчишек, за несколько недель ставших в Чечне настоящими мужчинами, побывавшими в адском огне, узнавшими, что такое смерть друга. Все они здесь после ранений или контузий, как говорится, понюхавшие пороху.

Праздник, но получается он с чеченским привкусом. Губернатор сердечно поздравил солдат, пожелал всем побыстрее поправиться, пообещал, что его следующая поездка в Чечню будет обязательно в расположении частей 22— й армии. Сейчас там из ее состава находятся более 400 солдат, офицеров и прапорщиков, много и контрактников, все добровольцы. К сожалению, не обошлось без потерь в этой необъявленной войне. Из состава танковой дивизии 22-й армии погибли четыре человека, а всего же из призывников Нижегородской области, как сказал Б. Немцов, 19 человек, и эта цифра постоянно увеличивается.

Какой же праздник без подарков, хотя и был он не очень веселым. АО «Нител» подарило каждому солдату по очень красивой куртке, а акционерный банк «Нижегородский кредит» вручил всем им по сберегательной книжке.

Потом был чай со сладостями. Присаживаюсь к одному столику, знакомлюсь с ребятами.

– Евгений Ляхов, старший механик, из Курска.

– Оджес Юрий, старший механик, из Иркутска.

– Котов Алексей, пулеметчик, из Ижевска.

– Вечтомов Алексей, старший стрелок, тоже из Ижевска.

Все они в Чечню попали из разных частей, со всей страны один даже из Берлинской бригады, переведенной в Россию из Германии прошлым летом. А в Грозном встретились, вместе воевали. Теряли товарищей, получали ранения.

– У нас во взводе из 25 человек пятеро осталось, остальные убиты и ранены…

– Я был ранен в бэтээре, когда туда попала граната. Все там сгорело, даже не успел из своего пулемета пострелять…

– А меня ранило, когда в люк БМП залез вниз головой, пуля попала в стопу…

– Офицеров много погибло, и таких хороших… – вздохнул один из них.

Приходилось этим ребятам быть и под огнем «белых колготок», хотя в одной из газет и опровергалось их участие в боях за Грозный.

– Одну такую мы сами поймали, оказалась москвичка, на ее снайперской винтовке было восемнадцать зарубок…

– У них на нас даже свои расценки были: пехотинца убить – дешевле, десантника – дороже…

Вышли все на улицу, сфотографироваться на память с губернатором и командующим армией. Как раз в расположение части пришли учащиеся из школ Сормовского района познакомиться с жизнью российской армии. По возрасту их разделяют какие – то год – два, но одни еще дети, другие уже совсем мужчины…

– А война в Чечне еще только начинается, – задумчиво произнес генерал И. Ефремов.

14. Чеченский узел, завязанный политиками, рубит армия

Моздок, март 1995— го

Заснеженные поля России как- то незаметно сменились кубанским черноземом. В иллюминатор ИЛ- 62 хорошо видны поднимающие столбы пыли трактора на пахоте. Как будто танковая рота идет в атаку. Война отсюда совсем близко. Там сейчас наши земляки. Огромный ИЛ- 62 забит ящиками с подарками. На просьбу губернатора области Б. Немцова помочь нашим солдатам в Чечне откликнулись многие предприятия и банки. В общей сложности 20 тонн грузов на 155 млн. рублей. Торговый дом «Мещера» приготовил каждому солдату-нижегородцу, а их в Чечне 150 человек, подарок в своих фирменных пакетах: тельняшка, шапочка, шоколад, сигареты, письменные принадлежности. Несколько коробок с книгами. Солдатам, прошедшим ад Грозного, предлагают прочесть «Флибустьеров» и «Ночь в Лиссабоне». Самолет тяжело садится на бетонную полосу. Здесь весна в разгаре. То и дело садятся и взлетают самолеты. Моздок – это последний перевалочный пункт для грузов идущих на Грозный.

– Больше десяти рейсов уже сделал, – говорит командир ИЛ-62, – особенно много было десантников перед Новым годом, по 126 в каждом рейсе.

Ящики с подарками перегружают в вертолет МИ-26. Вернулся ездивший в штаб генерала А. Куликова Б. Немцов:

– Больше стало порядка, как начальников поубавилось.

Пересаживаемся в вертолеты. Летчик, закрывая дверь, привычно инструктирует:

– Попрошу не курить, пить мелкими глотками и не совращать экипаж.

Летим низко. В степи только начинает пробиваться зелень. Кое-где попадаются отары овец, разбегающихся от винтов вертолета. Чем ближе к Грозному, тем чаще следы войны – поля, словно исхлестанные гусеницами и колесами, разбросанные на земле зарядные ящики, блестят заборы из гильз на позициях самоходных установок.

На Сунже все спокойно

Аэропорт Грозный-Северный. Здание цело, но ни одного стекла. Выходим из вертолетов и сразу же попадаем в окружение солдат с автоматами наизготовку: конвой из разведроты. Запыленные лица, из карманов камуфляжей торчат гранаты и запасные магазины, на шеях жетоны с личным номером и крестики. На площади у здания аэропорта – колонна бронетранспортеров, на одном из них надпись: «Н. Новгород».

Все окружили коменданта Грозного генерала И. Рыбакова:

– Ежедневно в город возвращаются 3—4 тысячи человек, сейчас жителей примерно 130 тысяч. Работают 6 хлебозаводов, газ есть, вода будет, через неделю все нормализуется…

Пересаживаемся в бронетранспортеры. До расположения 166-й гвардейской отдельной мотострелковой бригады примерно полчаса по улицам Грозного, а потом поворачиваем на юг, в район Чечен-Аула. Стою в люке рядом с водителем, чтобы увидеть все своими глазами. Далеко справа полнеба закрыто черным дымом.

– Нефтепромыслы горят, – комментирует сидящий рядом на броне офицер.

Слева на горизонте сполохи от залпов ракетных систем.

– Это Аргун обрабатывают, – слышу за спиной.

Повсюду многоэтажные дома с сожженными окнами, испещренные пулями и осколками, по обочинам разбитые и сгоревшие автомашины и автобусы. Три изрешеченных трамвая. Целая улица полуразбитых частных домов без крыш, у некоторых девятиэтажек снарядами

выбиты угловые комнаты, так что над ними еще висят три-четыре этажа. На полностью разрушенной улице – целехонький киоск с надписью «Пиво». Вдоль улицы перебитые снарядами бетонные световые опоры – это какая же была плотность огня! Попадаются дома, в которые были всажены, наверное, сотни снарядов, местами снесены целые этажи. Парк вдоль Сунжи – от сотен деревьев одни расщепленные пни. Вот и знаменитая площадь Минутка. Да-а… Это что-то среднее между Сталинградом и Хиросимой.

Прохожих на всем пути через город я насчитал не более десятка. Две женщины тащат на тележке телевизор, у одного из уцелевших частных домов собрались посудачить соседки. На перекрестке стоит бородач, смотрит исподлобья. Маленькая девочка то ли машет, то ли грозит вслед ручонкой. Кое-где на воротах уцелевших особняков надпись мелом: «Здесь живут».

– Отсюда бригада вводилась в бой, – показывает сопровождающий офицер на развалины домов и строений.

Сгущаются сумерки. Кое- где на улицах горит вырывающийся из трубы газ. У одного из блокпостов со спецназовцами пропускаем колонну «бэтров». На броне – узкоглазые солдаты с автоматами, первая мысль: «Господи, неужели китайские добровольцы?»

– Дивизия из Бурятии, – комментирует сопровождающий офицер.

Президентский дворец, за который шли особенно тяжелые бои, весь в надписях, как рейхстаг: Ростов, Ярославль, Вологда, Челябинск – похоже, брали со всей России… Плитка на площади перед дворцом превратилась в щебенку. Остановились снять окрестности на видеокамеру, подошла группа увешанных автоматами и гранатами людей в разномастной форме, давно не бритых. Оказались, однако, не дудаевцами, а спецназовцами из Владивостока.

На окраине города картинка грозненской весны: солдат, обнимая рыжеволосую женщину, учит ее стрелять из автомата. Пули летят куда-то в белый свет.

Дан приказ – ему на Грозный…

Штаб 166- й гвардейской отдельной мотострелковой бригады. На стене карты. Красные и синие линии и кружки. Генерал-майор В. Булгаков, командир бригады, докладывает обстановку командующему 22-й армией генерал-лейтенанту И. Ефремову и члену военного совета губернатору Нижегородской области Б. Немцову.

Бригада была переброшена из Твери 12 эшелонами на станцию Терская, в конце января закончила сосредоточение в районе Моздока. Две недели шла дополнительная боевая подготовка. Потом бригада поступила в распоряжение командующего оперативной группой «Север» генерала Л. Рохлина, совершила 120-километровый марш в район Толстого-Юрта. В бой была введена 2 февраля, в Грозном студгородок взяла без боя, но на следующие сутки в районе обувной фабрике отбивала атаки боевиков Дудаева, которые применяли бронетехнику и минометы. Бой шел пять часов, дело доходило до применения ручных гранат. В последующие дни бригада действовала совместно с десантниками и морской пехотой в направлении трамвайного депо, кожевенного завода, на площади Минутка и в районе железнодорожного моста через Сунжу.

В первых числах февраля бригада рывком продвинулась в обход города в район Гикаловское, преодолевая сопротивление бандформирований, потом в юго-западном направлении, через каналы, насыпи, дамбы, с боями, но в основном обходами, мощными атаками с сильной артподготовкой. Сейчас бригада по фронту занимает 32 километра.

Двадцатого февраля бойцы 166-й получили приказ захватить господствующие высоты в районе южнее Грозного. Операция была проведена ночью, четырьмя штурмовыми группами. Бой вели 4 часа, в тумане, высоты взяли и удержали при поддержке артиллерии. Противник начал отход в район Чернореченского леса, где был блокирован.

Последние несколько дней бригада активных действий не ведет, огневой бой – эпизодически.

Во время доклада командира бригады очень хорошо были слышны залпы реактивных систем из ближнего тыла. Каждые 20 минут. Где-то неподалеку то и дело стреляют самоходные установки «Акация», изредка – пулеметы. Всю ночь внук бабушки «Катюши», «Град», метал свои огненные стрелы, «уговаривая» боевиков Дудаева принять ультиматум и сложить оружие.

Позывной Дудаева – «Ялта»

По данным штаба бригады генерала М. Булгакова, на 22 марта ее подразделения с начала военных действий уничтожили 142 боевика, 29 автомашин, 1 танк, 1 БМП, 1 бронеколпак, подавили огонь22 минометов, уничтожили 63 огневые точки, обезвредили 71 мину, взяли 15 пленных.

Против бригады, по данным разведки, действуют полк спецназа «Борз» («Волки»), две казахские группы (засечен их радиопозывной – «Али-мум») общей численностью 1200—1500 человек. Могут поддержать их и 5 тысяч боевиков с направления Шали. Воюют на этом участке наемники, группа украинских националистов и даже какой-то донской казак. Две недели назад один наш солдат был убит женщиной-биатлонисткой. Обезвредили женщину-снайпера, чеченку, которая прикрывалась детьми.

– Насколько подтверждается, что против российских войск боевые действия ведут простые чеченцы, мирные люди, вынужденные взять в руки оружие?

– Из пятнадцати взятых нами пленных, – рассказал генерал В. Булгаков, – все были обыкновенными бандитами: в наколках, со шприцами, наркотиками. Один попался – отсидел 17 лет. Автомат его кормил и поил. Простых чеченцев эти бандиты силой заставляют брать в руки оружие под угрозой уничтожения их семей.

Много случаев, характеризующих подлость и звериную жестокость дудаевцев, например:

– В первом бою мы потеряли семь человек. Потом нашли их – глаза выколоты, тела изуродованы, все добиты выстрелами в голову. Матери приехали на опознание… Извините, дальше не могу рассказывать…

Была попытка затопить позиции бригады путем взрывов дамбы, потом – сжечь бензином из 4-тонных бензозаправщиков.

Командующий внутренними войсками МВД России генерал-полковник А. Куликов, с которым мы встретились в Моздоке перед отлетом, рассказал:

– Вот сегодня утром, например, мне, доложили, что боевики расстреляли в спину двоих стариков, которые в Аргуне шли с белым флагом к нашим позициям. В Самашках бандиты уже три раза взрывали трижды отремонтированный мост, из-за чего невозможно доставлять грузы по железной дороге для мирного, чеченского же, населения. У Дудаева сейчас осталось 500—800 головорезов, которым нечего терять, они готовы воевать до последнего. Бандиты выгоняют людей из сел, убивают своих же чеченцев и сваливают это на наших солдат.

Все офицеры, с кем удалось поговорить в эти дни, отмечают, что в первое время боевики действовали организованно, умело, но после взятия Грозного моральный дух бандформирований резко пошел на убыль.

– Трусоваты стали, выскочат на «уазике» с минометом, сделают несколько выстрелов или из автоматов – та-та – и смылись, – рассказывает начальник штаба 245-го мотострелкового полка подполковник С. Чепусов, – напрямую в бой не идут, поэтому засечь их трудно. Но вот здесь, – офицер показал в сторону подбитых танка и БМП, – у них был очень грамотно оборудованный взводный опорный пункт на 40—50 человек.

В бинокль за окопавшимися в поле танками хорошо виден Алхан-Юрт, где- то здесь и проходил передний край.

– Ночью ранили четверых наших, – рассказал С. Чепусов, – обстреляли из минометов.

Наша радиоразведка знает и позывной Дудаева – «Ялта», не так уж трудно определить и его местонахождение, но…

– Если нанести удар артиллерией или авиацией, значит, погибнут и мирные люди, – сказал генерал-полковник А. Куликов, – а в планы поимки Дудаева я не посвящен.

В 245- м мотострелковом полку, куда мы проехали из бригады генерала В. Булгакова, уже в конце встречи Б. Немцов спросил офицеров полка: «Какие еще проблемы остались?» «Не знаете ли, когда Дудаева поймают?» – ответили ему вопросом на вопрос. – «Ну вот, а я вас хотел спросить. Вы должны искать». – «Что ж, будем мы его искать. Не найдем – назначим», – пошутили.

Вместе с тем бандформированиям все сложнее удается держать между собой связь, уже и полковник Масхадов, начальник штаба Дудаева, предлагает связаться с ним по позывному «Интернационалист», чтобы начать переговоры, но…

Мы многому научились

Почему так затянулись боевые действия в Чечне? В чем причины больших потерь нашей армии? Эти вопросы мы задавали многим офицерам.

– Анализ первых боев был очень жесткий, – сказал генерал В. Булгаков, – уроки из них извлекли все. Не ожидали мы встретить такое сопротивление дудаевцев. Сначала надо признать было и боязно, но после первого боя мы поняли, что можем решать любые задачи. После того как увидели трупы мирных людей, своих погибших товарищей, у солдат появилось ожесточение, боевая злость, больше стало смекалки и хитрости. Солдаты научились многому, никого не надо заставлять окапываться.

Если в первых боях не было еще должного взаимодействия между частями и родами войск, то потом управление войсками значительно улучшилось. Но многие офицеры с недоумением говорили, что не надо было после взятия Грозного давать дудаевцам передышки, соглашаться и тем более предлагать переговоры – это дало им возможность перегруппироваться, подготовиться к новым боям. После Грозного все пришлось начинать практически с нуля. Всю операцию надо было и можно было провести значительно быстрее и организованнее.

Еще в первых разговорах в госпитале с ранеными десантниками пришлось убедиться, что солдаты не знают цели военной операции, не понимают, зачем вообще пришли они в Чечню. Что изменилось в настроении солдат и офицеров за это время?

– Земля эта наша, – говорят солдаты, – мы защищаем Россию, будем стоять здесь столько, сколько нужно.

Я пытался сбить их вопросом, что, наверное, сначала это все же Чечня, а потом уже Россия и надо уважать национальные чувства чеченцев. Нет, все считают, что это сначала Россия, а потом уже – Чечня. Многие, оказывается, хорошо знают, что Грозный был основан казаками, что в предгорьях издавна были казачьи станицы. Мало кто верит, что у дудаевцев преобладают сегодня национальные чувства, потому что они действуют, как бандиты.

Генералу В. Булгакову Б. Немцов задал прямой вопрос: как он относится к самому приказу Б. Ельцина о вводе войск в Чечню? Генерал ответил, как нам показалось, совершенно искренне:

– А нам и некогда было политически оценивать этот приказ. Просто не задумывались. Надо было решать задачи подготовки к операции.

– Скажите, вам хочется воевать? – спросили генерала.

– Конечно, нет, – ответил В. Булгаков, – Я два года воевал в Афганистане, хорошо знаю, что война – это грязная работа, что потеряю здесь своих товарищей.

Отцы – командиры

За эти два дня, которые мы провели под Грозным, было много встреч и разговоров с офицерами. Внимательно слушал, как они говорят, что они говорят, как держат себя друг с другом и солдатами. В бригаде генерала В. Булгакова невольно поймал себя на мысли, что где-то все это видел, в каком-то кино. В «Живых и мертвых», в дивизии Серпилина, когда туда приехал политрук Синцов! Такая же уверенность в победе, порядок, организованность, даже в мелочах. Порой казалось, что находимся мы не под Грозным, а под Могилевом. Такая же ночь, взлетают ракеты, грохочет артиллерия, впереди подбитые танки врага.

Понравилось, как четко и уверенно доложил генерал В. Булгаков обстановку командующему армией, как он говорил о своих солдатах. Словом, настоящий профессионал, такому командиру любая мать может смело доверить своего сына.

Полковник С. Морозов, командир 245— го мотострелкового полка, его начальник штаба подполковник С. Чепусов – оба тоже с опытом войны в Афганистане, боевые офицеры. Представляю, как, должно быть, любят солдаты гвардии майора И. Касьянова, начальника разведки бригады – окончил Суворовское училище, в Афганистане командовал разведвзводом, разведывательно- десантной ротой в Герате, награжден орденом. Здесь под Грозным, за организацию боя по взятию важной высоты он и командир разведроты гвардии капитан И. Баталов представлены к званию Героя России. Эту операцию они провели без потерь и, как говорят, классически.

Запомнился командир ремонтно-восстановительного батальона подполковник Л. Крупский – очень похож на капитана Тушина из «Войны и мира». Настоящий труженик войны. Когда он привел цифры, сколько техники отремонтировал его батальон, начиная с января, не хотелось верить, что это возможно: 236 единиц бронетанковой, 487 автомобильной, 119 единиц ракетно – артиллерийского вооружения, да сколько ее эвакуировали с поля боя! В строю стояли его солдаты – обыкновенные парни, в большинстве своем – механизаторы, ремонтники, водители, запыленные, чумазые, в промасленных комбинезонах.

– Золото у нас солдаты, – часто приходилось слышать от офицеров.

– Берегите людей, поменьше бравады, больше бдительности, – то и дело можно было слышать от командующего 22— й армией генерал-лейтенанта И. Ефремова.

О человеческих качествах Ивана Ивановича можно судить всего лишь по одному эпизоду: к нему подошел пожилой прапорщик, рассказал, что семья, пятеро детей, в Ашхабаде, надо бы вывезти их оттуда, помогите решить этот вопрос.

– Полетите сегодня же вместе с нами, собирайтесь, – сказал генерал.

У прапорщика от неожиданности, что его просьба так быстро решена, мгновенно брызнули слезы из глаз.

Офицеры выполняют свой долг, делают все, чтобы было меньше потерь, чтобы у солдат было все необходимое, но сами и их жены, как оказалось, до сих пор не имеют российского гражданства, потому что в Россию прибыли из Германии.

Губернатор области Б. Немцов был просто потрясен:

– Как? Служите в Российской армии, воюете за Россию, а вы и ваши жены формально еще не граждане России?

«Если раны – небольшой»

Утром командир мотострелковой бригады генерал В. Булгаков сообщил, что ночью боевики обстреляли позиции седьмой роты, ранены трое солдат.

Едем в медсанроту. Здесь в палатках на лечении солдаты с легкими ранениями. Семеро из них за период боев уже вернулись в свои подразделения. Губернатор и командующий армией поговорили с каждым, вручили им подарки, побеседовали с врачами и медсестрами. Условия для раненых созданы нормальные, медикаментов достаточно. Встретили здесь и земляка – Леонида Ерохина с улицы Есенина. Поправляется, скоро к своим друзьям.

– Через наш операционно-перевязочный взвод за все это время прошло 270 человек, – рассказывают врачи, – ранения огнестрельные и осколочные, в конечности, есть в голову.

Начальник медслужбы 2— го батальона бригады лейтенант О. Паховчук рассказал, что в первом бою, самом тяжелом, в батальоне было 30 раненых. Эвакуированы все были в течение двух часов, до ближайшего госпиталя довезли меньше чем за полчаса.

Из Моздока мы вылетели вместе с бригадой врачей из НИИТО, которые работали в госпитале МЧС в Грозном. Семь врачей во главе с А. Алейниковым пробыли здесь два месяца. Везут с собой сувенир: солдатскую каску, изрешеченную пулями и осколками. Дуршлаг, а не каска.

– В сутки обрабатывали до 120 человек, – рассказала анестезиолог Н. Гамова, – в основном мирных жителей. Немало было летальных исходов, потому что многие ранения несовместимы с жизнью. Я работала в Уфе, Арзамасе, Спитаке, но здесь все было гораздо страшнее.

Жилин и Костылин

Одной из главных целей поездки в Чечню было узнать, как идет работа по освобождению наших солдат, попавших в плен к дудаевцам. Из частей 22- й армии таких там 10 человек.

– Делаем все возможное, – сказал командующий внутренними войсками МВД России генерал – полковник А. Куликов, – чтобы быстрее их вернуть. По нашим данным, у боевиков сейчас в заложниках 50—60 наших солдат и офицеров, из них одна треть у Дудаева, остальные спрятаны по аулам. Знаем, что они живы, получали записки. Принимаем все меры, вышли на чеченских авторитетов, чтобы выкупить наших солдат, не пожалеем никаких денег на это.

В расположении 245- го полка нам показывали колодец с решеткой, где, наверное, когда-то сидели еще Жилин с Костылиным больше 150 лет назад. История повторяется. Где-то в горных аулах томятся сейчас в таких же колодцах наши ребята…

«Я так давно не видел маму»

Только раздалась команда «Становись!» в расположении мотострелковой бригады, как из тыла с грохотом полетели снаряды от «Града». Несколько раз Б. Немцову в своем выступлении перед солдатами- нижегородцами, построенными для передачи подарков от земляков, приходилось делать паузы – ничего не слышно из- за выстрелов.

Отличившимся за это время в боях и службе губернатор вручил часы, радиоприемники, конверты с деньгами, пять гитар, на бригаду и полк – десятки ящиков со сладостями и всем, что необходимо солдату.

Когда торжественная часть закончилась, подошел к строю:

– У кого дома есть телефоны, чтобы можно было позвонить родителям?

Оказалось, много сормовичей, автозаводцев, записываю телефоны в Кстово, Дзержинск, Балахну, Городец.

– Маме позвоните, пожалуйста, Лидии Ивановне, – говорит Алексей Кокурин, – что жив, здоров, скоро домой.

– И моей, запишите: Лариса Александрова, в Балахну, от Шемина Алексея…

– А на Украину можно привет передать?

– А в Казахстан?

– Всему Брянску привет!

– Скажите маме, что у меня все нормально…

Честно говоря, трудно было сдержать слезы, глядя на этих совсем еще мальчишек в солдатской форме. Многие еще даже не бреются, хотя с оружием в руках каждый день рискуют жизнью… Господи да когда же это кончится!

– Заканчивать надо эту войну к чертовой матери! – прямо и от души сказал Б. Немцов.

Да, прокатить бы по улицам Грозного и провести вдоль солдатского строя всех, кто завязал этот чеченский узел, заставить бы их звонить матерям по телефонам, что их дети вчера были живы, а что завтра будет – не знаем…

Интервью с генерал-полковником А. Куликовым заканчивалось, когда в кабинет вошел полковник:

– Аргун взят, товарищ командующий!

Еще немного, еще чуть – чуть – хотелось бы верить в это. Остались Гудермес и Шали.

15. Командировка генерала Кладницкого

Из Чечни вернулся начальник регионального управления по борьбе с организованной преступностью генерал-майор И. Кладницкий, который командовал там сводным специальным отрядом быстрого реагирования МВД России из 415 человек.

– Иван Иванович, в каких районах Чечни действовал ваш отряд и какие задачи выполнял?

– В Грозном, Аргуне, Гудермесе, населенных пунктах на юго-востоке республики. Кроме чисто оперативных, мы выполняли задачи по добыче информации о дислокации бандформирований, их вооружении.

– Можно ли узнать об основных итогах работы вашего отряда?

– В ходе огневых контактов взяли в плен 157 боевиков, из них 32 передали для обмена на наших военнопленных. Изъято свыше 150 автоматов, захвачено 5 единиц бронетехники и артсистем, 2 тысячи снарядов, 1,5 тысячи гранат, более 800 мин и огромное количество патронов.

– Многих удивляет: откуда у дудаевцев столько оружия?

– К войне они готовились заранее. Импортного оружия нам не попадалось. Перехватили 2 грузовика со снарядами, следовавших из Дагестана. Как они попали туда сказать трудно. Границы с Азербайджаном и Грузией фактически открыты, в тех условиях – горы – обеспечить надежно их охрану очень сложно.

– Кто были по своему социальному положению взятые вами пленные?

– В основном это криминальный элемент. От станка и от сохи, как говорится, не было. Попадались и бывшие работники правоохранительных органов Чечни, служащие. На стороне Дудаева действовал спецбатальон из бывших заключенных местной колонии. Взяли, например, одного: Дудаев присвоил ему звание полковника, хотя этот человек был осужден за изнасилование. Еще пример: взяли одного из руководителей бандформирований, который оказался начальником одного из управлений нынешнего МВД Чечни.

– Наверное, этот вопрос вам задают все: когда там закончится война?

– Войсковые операции фактически закончились, но очистка территорий от мелких бандгрупп еще будет продолжаться.

– Рейд дудаевцев на Буденновск, это что – новая форма борьбы? Есть ли реальная опасность, что такие их группы проникнут и в наш город?

– Дудаев давно объявил, что готов перейти к террористическим действиям и в глубине России. Наша главная задача сейчас: блокировать территорию Чечни, не допустить, чтобы оттуда террористические группы проникали в наши города. Взяты под охрану все важнейшие объекты, резко усилен контрольно-пропускной режим. У нас в области проживают около 20 чеченцев, все они под контролем. Все «загорелые», приезжающие в наш город, тоже сразу же попадают в поле нашего внимания. Очень важно, что в Чечне во время этой командировки мы добыли списки многих бандформирований, это должно облегчить контроль.

– Как вы оцениваете моральный дух дудаевцев сегодня? Были сообщения, что они устали.

– Многие стали возвращаться в свои родные места, сдают оружие. На севере республики обстановка стабилизировалась заметно, в горных районах – сложнее. Хотя очень много тайных складов оружия мы захватили. Там действуют, как правило, из засад, небольшие группы по 5—7 человек.

– Попадались ли вам наемники?

– Только в качестве специалистов, инструкторы, это, как правило, единоверцы из Афганистана, Ирана, Пакистана.

– Неужели так трудно взять Дудаева?

– Да, мы знали, где он находится, но не наносить же туда удар авиацией, могут погибнуть сотни невинных людей. Отдавать за него жизни своих людей во время операции – я не могу.

– В вашем отряде во время этой командировке были потери?

– Раненых из отряда – 16 человек, один скончался, не из нашего города. Потери эти были во время операции в Гудермесе.

– Как вообще показали себя нижегородцы в этой командировке?

– Достойно. Все представлены к наградам.

– Иван Иванович, какое у вас самое тяжелое впечатление от этой командировки?

– Тяжко, что там люди научились убивать друг друга с невиданной до этого жестокостью и беспощадностью. У нас даже появился своеобразный синдром: не ходить по траве. В Москве, когда была возможность пройти по траве, все, не сговариваясь, пошли по асфальту. В Чечне запросто можно попасть на мину. Открыл дверь – взрыв мины над головой, на растяжке. Был случай: только вошли в дом, щелчок мины на растяжке – все тут же в окна, но один был ранен.

– И все же: опасаться ли нижегородцам террористов из Чечни?

– Готовыми надо быть ко всем неожиданностям. Со своей стороны мы сделали все, чтобы не допустить подобного тому, что произошло в Буденновске.

16. Борис Немцов: «Поставлена логическая точка на участии нижегородцев в чеченском конфликте»

Как уже сообщали центральные средства массовой информации, губернатор Нижегородской области Б. Немцов принимал участие в поездке президента России Б. Ельцина в Чечню. Вернувшись оттуда, нижегородский губернатор встретился с журналистами, чтобы поделиться своими впечатлениями.

– Я узнал, что еду в Чечню, – сказал Б. Немцов, – когда накануне Ельцин вызвал меня в Москву. Идея ехать в Чечню вместе появилась 29 января во время встречи с президентом. Ельцин позвонил и сказал: «Собирайся». Это было его личное решение, в списках делегации меня не было. Я спросил Бориса Николаевича, что он сказал утром Наине Иосифовне, когда собрался лететь в Чечню. «Сказал, что еду в Кремль». В 10:50 были в Моздоке, через 35 минут – в селе Правобережном Грозненского района. Село не бомбили, разрушений там нет. Авторитет Яндарбиева в этом селе равен нулю. Сначала встретились с военнослужащими внутренних войск, потом была встреча с населением, пришло около тысячи человек. Затем сели в вертолеты и перелетели в аэропорт Северный, в 205— ю бригаду. Там же была и встреча с общественностью Чечни. Президент не скрывался от народа, мосфильмовских декораций, как в телепрограмме «Куклы», не было.

Оценка личных качеств З. Яндарбиева со слов военных:

– За ним стоят сепаратисты, это однозначно. Другое дело – контролирует ли он всех полевых командиров, это неясно. В рядах сепаратистов нет единства. Сам Яндарбиев достаточно последовательный сепаратист, но с ним можно вести переговоры.

Как сами военные оценивают итоги переговоров с сепаратистами и перспективы мира:

– Под Бамутом, по данным генералов Квашнина и Тихомирова, были уничтожены основные силы боевиков. После взятия Бамута в Чечне остались незначительные группы боевиков, неспособных оказать существенное сопротивление. Однако солдаты считают, что банды могут воскреснуть через несколько месяцев.

Итоги поездки Б. Ельцина в Чечню Б. Немцов оценил так:

– Теперь есть возможность для воцарения мира. Ельцин при мне сказал Грачеву, что оторвет голову, если не будет выполнен его приказ о прекращении боевых действий. Президент строго наказал не поддаваться ни на какие провокации. Мир в Чечне сейчас могут сорвать только какие-то крупные террористические акты. Сейчас очень важно, чтобы жесткая политическая воля президента была подкреплена низовыми чиновниками. Эта поездка сильно увеличила число сторонников Ельцина. Поставлена и логическая точка на участии нижегородцев в чеченском кризисе.

О поведении Б. Ельцина в Чечне:

– Я считаю, что президент у нас очень умный. Я гордился, что он так сделал. Ни один кандидат в президенты не поехал в Чечню, ни один царь туда не ездил.

17. Приговоренные к смерти

Шумиловская отдельная бригада особого назначения – одно из элитных соединений внутренних войск МВД России. Вот уже несколько лет ее, как пожарную команду, перебрасывают из одной горячей точки страны в другую исправлять ошибки политиков.

Накануне Дня защитников Отечества в бригаде побывали представитель президента России по Нижегородской области Е. Крестьянинов, губернатор области Б. Немцов, вице-мэр Нижнего Новгорода Б. Духан, председатель правления Нижегородского отделения Фонда инвалидов Афганистана Е. Пухов и председатель Нижегородского комитета солдатских матерей Г. Лебедева. Гости на торжественном собрании тепло поздравили воинов бригады, вручили подарки, познакомились с жизнью соединения.

К сожалению, на месте постоянной дислокации сейчас только половина бригады, остальные в Чечне. С небольшими перерывами она там с самого начала конфликта. Как наши земляки выполняют долг, можно судить по количеству награжденных за этот период: 48 солдат и офицеров, еще около 60 человек ждут ордена и медали. Война не обходится без жертв: за год бригада потеряла 14 человек убитыми и около сотни ранеными, есть и пропавшие без вести. Редкий день не приносит новых печальных вестей. Накануне приезда в бригаду гостей стало известно, что в Чечне погибли еще двое солдат, потом четверо получили тяжелые контузии, когда был обстрелян из гранатометов их бронетранспортер.

Командир бригады полковник Ю. Мидзюта за последние мирные годы воевал столько, что впору садиться за мемуары. Экстремисты приговаривали его к смерти в Баку, в Карабахе, третий раз в Чечне, но он относится к этому спокойно и продолжает выполнять свой долг.

Через плац прошла, гремя сапогами, рота солдат. Эти служат всего два месяца, усиленно готовятся к боевым действиям, осваивают новое штурмовое стрелковое оружие, только что поступившее в бригаду. В учебном центре солдаты показали, как они стреляют. До Рэмбо, может быть, и далеко, но очень прилично. Скоро им придется мериться силами с чеченскими боевиками. От офицеров бригады довелось услышать и такое:

– Научили их на свою голову… Почему гранатометчики у них так хорошо стреляют? Это я их научил несколько лет назад.

Многие командиры боевиков не так давно еще были их товарищами.

– Гораздо хуже стали нынешние солдаты, чем несколько лет назад, – говорит полковник Ю. Мидзюта, – слабее физически, приходят и с недостаточным весом. Редко, кто окончил среднюю школу, все чаще с 4—5 классами образования. Приходят и такие, кто только в армии увидел гречневую кашу, вынуждены ставить их на полуторное довольствие.

Солдаты и офицеры честно выполняют свой долг, но часто не понимают политических целей пребывания наших войск в Чечне.

Майор И. Ветров, старший офицер по психологическому противодействию с противником, на вопрос: «Может ли он убедить чеченца в его неправоте, что Чечня должна быть в составе России?» – ответил:

– А мы правы? В обычном общении и в какой-то конкретной ситуации с чеченцами можно договариваться, но переубедить их невозможно. У многих из них, однако, ностальгия по СССР.

Подполковник В. Серегин знает чеченских боевиков не понаслышке: провел у них в плену 8,5 месяца. Судьба этого человека – сюжет для целого романа. В армии 26 лет, и где только не приходилось гасить национальные конфликты… В плен попал в декабре 1994 года на границе Чечни и Дагестана. Его и майора О. Дедегкаева боевики схватили тогда, прикрываясь женщинами и детьми, отбиваться было невозможно, да и приказ был: «Огня не открывать».

– Держали меня в общей сложности в девяти подвалах, перевозя с места на место, – рассказывает подполковник В. Серегин. – Пытался бежать, одного охранника вырубил, схватил его пистолет, но не заметил сзади второго. Оглушил он меня ударом по голове. Потом били два с половиной часа, так что десять суток не вставал с нар.

Только через несколько месяцев В. Серегину благодаря чеченцу – охраннику, который служил в его части в Киргизии в 1990 году, удалось передать весточку домой.

– Много раз предлагали перейти к ним на службу, – рассказывает он, – обещали златые годы. И я верил, что они смогут сдержать слово. Пытались обратить в свою веру, но тактично, ненавязчиво. Отказался, конечно. Выжил чудом. Был, например, день, когда наше расположение бомбили 22 российских самолета.

Их выкупили, но через месяц майор О. Дедегкаев умер: слишком тяжелы были условия плена.

Подполковник В. Серегин продолжает службу:

– Я без армии себя не представляю. Я ее люблю.

Государство и армия не так уж много сделали, чтобы таких офицеров, как В. Серегин, избавить хотя бы от заботы о жилье: три года с семьей он живет в общежитии.

На таких офицерах и держится сейчас Вооруженные силы России.

На этой встрече в бригаде губернатор области Б. Немцов высказал свою точку зрения на продолжающийся конфликт:

– Отсутствует всякая политическая воля, чтобы закончить войну в Чечне. Надо набраться мужества и сесть за стол переговоров. Пора кончать войну.

18. Возвращение полка

Кто – то должен был вернуться с Чеченской войны первым, это счастье выпало 245— му гвардейскому мотострелковому полку 47— й танковой дивизии 22— й армии.

– Повезло, – коротко ответил командующий армией генерал И. Ефремов на вопрос, почему, именно этот полк во исполнение указа президента России был выведен из Чечни первым.

А на военном перроне станции Ильино в этот день с самого утра можно было видеть множество нарядных женщин, жен офицеров, и детей с цветами.

Наконец послышался длинный гудок тепловоза и сразу же крики: «Едут! Едут!» Оркестр грянул «Прощание славянки», сладко потянулась длинноногая девушка с букетом цветов, увидев стволы самоходных орудий на платформах.

– А вот и мой! – закричала молодая женщина.

– Видела своего? С Петровым на пару машут…

– Вот твой папа, помаши ручкой, – поднимает на руки малыша красивая женщина.

На перрон высыпали загорелые до черноты мужчины в камуфляжах, и крепкий солдатский запах смешался с ароматами летних цветов.

Пока еще нельзя обнять жену и детей, строй застыл перед трибуной с лозунгом «Добро пожаловать на родную нижегородскую землю». Командир 245— го мотострелкового полка подполковник С. Юдин докладывает командующему 22— й армией генералу И. Ефремову о прибытии.

– Приветствую и поздравляю, искренне рад, что война для вас закончилась, – поздоровавшись, сказал командующий.

Да, 245-му мотострелковому выпало в ходе операций в Чечне быть на самых ответственных и тяжелых участках с 23 января 1995 года. Сначала вели боевые действия у Пригородного и Старых Атагов, блокировали Грозный с юга, очищали от бандитов Алхазурово. Потом, в июне 95- го, рейды в район Чишки и Улус-Керта, разгром штаба Дудаева в Ведено – там полк водрузил знамя России. Жаркие схватки за Киров-Юрт и Новые Атаги – и полк блестяще выполнил боевую задачу, водрузив в знак победы еще одно российское знамя.

Они были на настоящей войне, которая без потерь не бывает. Случалось, попадали в засады, а за полтора года боев гусеницы боевых машин намотали тысячи километров. Скупые строчки боевых донесений пестрят цифрами потерь противника и своих, убитых, раненых, сожженных и подорванных БМП и автомашин. И за каждой такой строчкой – человеческие судьбы. За полтора года войны полк потерял 221 человека убитыми, 394 ранеными и 20 попавшими в плен. Как ни горько, но полк вернулся домой без своих товарищей, и сколько им еще томиться в плену, одному Аллаху известно.

Много в этот день сказано приветственных и высоких слов.

– Вы с честью выполнили задачу, отстаивая единство России, – сказал начальник штаба Московского военного округа генерал Л. Золотов.

– Дорогое наше христолюбивое воинство! – такими словами начал свое приветствие настоятель Старо-Ярмарочного кафедрального собора о. Владимир.

Христолюбивое воинство неловко держало в натруженных руках красные гвоздики и с нетерпением ждало окончания речей и поздравлений.

– …Слово это страшное – Чечня… Защищает от чеченских банд мою страну… – декламируют дети сочиненные взрослыми на скорую руку речевки.

Когда назвали несколько фамилий награжденных воинов полка, дети хором:

– Мы на них стремимся подравняться, только подрасти нам надо малость… Вашими славными делами будем всей страной гордиться…

Губернатор Нижегородской области Б. Немцов, поздравив полк с возвращением, сказал:

– С выводом 245-го полка фактически началось осуществление плана мирного разрешения конфликта в Чечне.

– А вы как думаете, сколько еще война в Чечне продлится? – спросил я стоящего в строю пожилого солдата.

– Лет десять. Уж очень чеченцы озлоблены. Стреляют каждый день.

– Десять… На сто лет хватит, если так будем воевать, – сказал солдат, суворовский чудо-богатырь с виду.

– А кто мешает воевать хорошо?

– Мафия мешает. За три дня все бы там разнесли, если бы не мешали. А то опять переговоры…

Солдаты, с которыми разговорился, все были в годах: 35, 38 лет, а похожему на суворовского чудо- богатыря – 44. Он представился:

– Осипов Николай, из Ивановской области, срочную службу служил в Витебской воздушно-десантной дивизии, демобилизовался еще в 73 году, а в Чечне добровольно, полгода.

– А зачем поехали?

– Да просто решил посмотреть на этот дурдом. У нас в роте почти все контрактники. У молодых ведь боевая подготовка – ноль, даже в Кантемировской дивизии. Автомат разобрать не умеют.

– Когда вы в последний раз были в бою?

– Под Гойским, 4 июня. Семьдесят человек там из полка потеряли да из 324- го полка – сорок пять. Боевиков убитых видел в том бою: один москвич, белорус, два араба. А чеченцы сейчас сами не воюют, только деньги платят наемникам. В нашу БМП в том бою попали из ручного гранатомета, троих потеряли…

Звучит команда «К торжественному маршу». Впереди всех со знаменем полка лейтенант С. Новиков и капитан Ф. Сергеев. У первого на груди – новенькая медаль «За отвагу», у второго – орден Мужества. Всего кстати, в полку за время боевых действий в Чечне представлены к наградам 694 человека.

Печатая шаг, прошли перед трибуной с гостями подразделения полка. Одного из десятков Российской армии, первого, для которого война в Чечне дай Бог закончилась.

…А на руках у мамы горько плакал малыш: папу увидел, а поцеловать его еще почему-то нельзя. Но ничего малыш, еще несколько минут, и твой папа будет с тобой. Хорошо бы – надолго.

19. Кавказские матери ищут русских пленных

Гость Нижегородского областного комитета солдатский матерей – Лидия Бекбузарова. Она заместитель председателя комитета солдатских матерей Ингушетии. Тяжелая выпала судьба этой женщине: по национальности ингушка, санитарный врач по профессии, она проживала в Северной Осетии, оказалась в заложниках, несколько раз боевики выводили ее на расстрел. Спаслась чудом.

– Лидия, в наш город вы по делам?

– Несколько месяцев назад наш комитет получил письмо от вашего губернатора с просьбой организовать в Ингушетии сбор миллиона подписей против войны в Чечне. Такого количества жителей у нас нет, да и нам самим нужна помощь. Приехала, чтобы попросить у нижегородцев автомашину, лучше «ГАЗель». Без своего автотранспорта нашему комитету очень трудно ездить, чтобы хлопотать об освобождении русских пленных солдат.

– А армия разве не занимается поисками пленных?

– Реально нет, просто не в состоянии это делать. Есть сейчас какой-то уполномоченный по поиску военнопленных, но результатов почти нет.

– А у вас какие результаты?

– В Чечне наши женщины из комитета бывают постоянно. С полевыми командирами отношения хорошие. С ними и договариваемся. В основном на обмен. Ни разу за выкуп. Обменяли за это время 26 солдат. За одного пленного чеченца – четверо русских.

– Как боевики относятся к нашим пленным?

– Чеченцы стараются сохранить ребят для обмена. Берегут, кормят нормально.

– Лидия, а как вам удается пробираться в места, где они держат пленных?

– Боевики у матерей даже документов не спрашивают. Это на наших блокпостах еще нервы мотают. На какого командира попадешь. В селах пленные обычно содержатся по 3—5 человек в доме. Тяжелораненых мы не видели, но с ранеными ребята есть. О фактах издевательства над пленными не слышали. Солдаты об этом не говорили. Последний раз ездила в горное село Бамут, там четверых солдат держат. Правда, на этот раз нас к ним не подпустили. Вообще у чеченцев конспирация очень хорошая.

– Какое вообще настроение в Чечне у простых людей?

– Все живут надеждой на мир. Ждут конца войны.

– А чувствуется ли этот конец?

– Ни одного дня без бомбежки. То и дело со стороны Беслана и Моздока жутко гудят самолеты, летят на Чечню. Недавно один вертолет зацепился за высоковольтную линию, и вы знаете, что из него посыпалось? Ковры.

– Кого люди винят в этой войне?

– Обе стороны, и особенно силовых министров. Захотели бы – можно было бы остановить эту войну.

– С нашими солдатами часто приходилось встречаться?

– Последний раз – с пограничниками на посту. Попросил купить ему хлеба. Такой у него был просящий взгляд. Худой. Живут в палатках. Спросила, как кормят, – молчит.

– Правда, что у боевиков много наемников?

– Не видела ни одного. Знаю семьи, где погибли по семь человек, во время бомбежек. Остался один и идет от злости в отряды Дудаева.

– Вы часто встречались с российскими офицерами. У них какое настроение? Неужели не надоело все это?

– Все злые, особенно почему-то майоры. Говорят, что долго терпят, но рано или поздно отомстят тем, кто развязал эту войну.

– Как там у вас в Ингушетии люди относятся к своему президенту?

– Руслана Аушева просто боготворят, всеобщий любимец. Очень тяжело ему. Беженцев в Ингушетии только из Чечни 250 тысяч, да из Северной Осетии ингушей 70 тысяч. Безработица – 92 процента. А цены – лучше не говорить.

– А из федерального бюджета есть реальная помощь беженцам?

– Точно знаю, что в миграционной службе сейчас нет ни рубля. Татарстан обещал помочь картофелем и мукой.

Лидия Бекбузарова привезла список солдат 245- го мотострелкового полка 22-й армии находящихся в плену у дудаевцев. В списке 27 фамилий. Из Нижегородской области нет ни одного. В плен они попали 13 декабря прошлого года. В штабе 22- й армии этот факт подтвердили. Четырех русских солдат из тридцати одного матери сумели обменять на одного чеченца. Известно и место где содержатся пленные. Местный полевой командир сообщил, что солдаты захвачены в плен в ответ на обстрел мирной демонстрации. Их могут освободить только после прекращения бомбардировок.

…Телефон в комитете солдатских матерей звонит беспрерывно. В день здесь бывают несколько десятков матерей. Вот и еще один звонок. Мужчина с плачем рассказал, что ему сообщили о пропаже без вести его сына, Александра Отделкина из Автозаводского района. Еще одна весть: погиб Дмитрий Масляков из Кстовского района, 9 апреля. Тело его во Владикавказе. Какой-то чиновник сообщил, что отправят, как только трупов будет несколько. Чтобы зря не гонять самолет. Дмитрий Масляков был призван 19 декабря 1992-го года. И уже убит. Через два месяца после призыва попал в Чечню Алексей Евстифеев из Канавинского района, 23 февраля был ранен. Тумаев Сергей, нижегородец, по ошибке был похоронен не дома, а в Алтайском крае. Это уже второй случай. До сих пор не найдут тело воскресенца Олега Луковкина, вместо него мать похоронила чужого сына.

Количество нижегородцев погибших в этой войне уже перевалило за семьдесят. Солдат убивают и калечат каждый день. Последняя весть: ранен под Бамутом борчанин Алексей Суматохин, через два месяца после призыва.

И сколько еще это будет продолжаться…

Всего лишь две фразы из разговора с Г. Лебедевой, зам. председателя комитета солдатских матерей:

– Двадцатилетний парень – без ног, спивается напрочь на глазах… Другой пришел из Чечни – и ему сейчас человека убить, что клопа на стенке раздавить…

20. Живым он был нужен России

Первого января 1995-го года в бою на привокзальной площади во время штурма Грозного старший лейтенант медслужбы Майкопской мотострелковой бригады Александр Гурский был убит дудаевским снайпером.

До 28 января пролежал его труп на площади. За убитым приехал отец – электрик АО «ГАЗ» Виталий Еремеевич Гурский. Похоронить сына решено было в г. Умань на Украине, где жила его мать. Два майора из части, где служил А. Гурский, дали его отцу 600 тысяч рублей, и на этом Министерство обороны России посчитало свой долг перед родителями убитого офицера выполненным. Этих денег едва хватило, чтобы доставить гроб в Умань.

Правительство России, когда в Чечне начались бои, объявило, что семье каждого российского военнослужащего, погибшего там будет выплачена компенсация. Вправе на нее рассчитывать и родители старшего лейтенанта А. Гурского. Но, как говорится, гладко было на бумаге…

Мать А. Гурского – гражданка Украины. Это суверенное государство к действиям Российской армии в Чечне никакого отношения не имеет, и местные чиновники отказали матери А. Гурского в праве на компенсацию. Ее сын погиб за Россию, а не за Украину. Отказали и отцу А. Гурского: хотя он сам и проживает на территории Нижегородской области, но сын его здесь не жил. Так ему объяснили в областном департаменте социальной защиты. Погибший за Россию старший лейтенант А. Гурский на свою беду учился в мединституте в Самаре, там его призвали в армию, служил в Краснодаре, а уже оттуда попал в Чечню. А ко всему прочему, родители его на момент гибели были в разводе и являлись гражданами разных государств.

«Если бы мой сын был убит в драке, – пишет Виталий Еремеевич Гурский, – я никуда не стал бы обращаться. Но так как у него жизнь отняло государство, оно и должно за все платить».

В департаменте социальной защиты ему ответили, что проезд на похороны сына, возможно, оплатят, только после того, как придут и посмотрят, как он живет. «Возможно…» А если окажется, что живет он материально неплохо? Это значит, что за погибшего по вине государства сына можно и не платить?

В. Гурский обратился с письмом к губернатору области, рассказал о своей беде. Б. Немцов распорядился, чтобы отцу погибшего российского офицера помогли. Остается надеяться, что так и будет.

21. Шумиловская бригада стоит насмерть

…Восемь часов бились в окружении 10 бойцов Шумиловской отдельной бригады особого назначения. Группа майора Гулая находилась на третьем этаже одного из домов по улице Зои Космодемьянской в Грозном. Когда обстановка стала критической, командир принял решение прорываться. Бойцы начали прыгать с третьего этажа. Они вышли к своим. Все с переломанными ногами. Добрался до своих и рядовой Губочкин, прикрывавший прорыв группы. Тоже с переломами ног.

Это только один из эпизодов последних боев в Грозном, о которой рассказал командир Шумиловской бригады полковник Ю. Мидзюта.

– Когда у вас была в последний раз связь с подразделением бригады в Грозном?

– Два часа назад, – ответил полковник Ю. Мидзюта, взглянув на часы. – Сегодня потеряли убитыми еще троих. Только что сообщили, что на площади Минутка тяжело ранен в живот замполит батальона старший лейтенант Ларин из Богородска, один солдат убит. Сообщили, что вышел к своим один солдат, считавшийся пропавшим без вести.

Сердце обливалось кровью, когда полковник Ю. Мидзюта читал шифротелеграммы из Грозного: «Во время снайперского обстрела геройски погиб рядовой Демидов, на площади Минутка убит рядовой Королев, погиб от сквозного ранения в голову старший механик- водитель рядовой Кондратьев. И таких телеграмм – море…»

Четверо суток из огня не могли вынести раненых. Пытались прорваться к ним на площадь на бронетранспортерах – сразу же потеряли три машины. После попаданий в них из гранатометов бронетранспортеры превращались в «скороварки».

С 5-го августа, когда в Грозный прорвались боевики, Шумиловская бригада потеряла, по последним данным, 10 человек убитыми, 82 ранеными и 9 пропавшими без вести. За неделю боев бригада потеряла в общей сложности роту. Таких потерь за полтора года командировки в Чечню бригада еще не знала.

Среди убитых – двое офицеров, лейтенанты Славгородский и Фролов. Второй – наш земляк, из Краснооктябрьского района. Убит еще один земляк – сержант Игумнов, арзамасец.

– Большие потери и в технике, сказал полковник Ю. Мидзюта, ее осталось около 20 процентов от штатной. Восемьдесят процентов оставшегося вооружения нуждается в капитальном ремонте. Автоматы изношены настолько, что о точности стрельбы не может быть и речи.

– Но бригада стоит, ни одной своей позиции в Грозном противнику не отдали, – подчеркнул полковник Ю. Мидзюта.

Сколько еще может продержаться бригада…

– Как там с боеприпасами, медикаментами, продовольствием?

– Боеприпасов хватит, десять вагонов привезли. С продуктами и медикаментами тоже нормально.

– Генерал Лебедь, побывав в Чечне, назвал наших солдат «заморышами». Как одеты ваши люди?

– По норме камуфляж выдается на один год, но уже через месяц-полтора он превращается в рванье. Сапоги горят тоже быстро, поэтому разрешаем ходить в кедах. А нормы пересматривать никто не хочет.

– Собираются ли выводить бригаду из Чечни? Все же полтора года в Чечне…

– Нас обещали вывести в феврале, марте, потом в июле. Я не верю, что будет приказ о выводе бригады из Чечни. Нет других частей, чтобы ее можно было заменить.

– Но людей – то можно заменять постепенно…

– Кем? Пополнение дали такое, что его полгода надо только откармливать. У нас 40 процентов солдат с образованием 3—5 классов. Поэтому солдаты там и служат по полтора года, и

указ президента по их замене невозможно выполнить. Не посылать же в бой мальчишек. Часть людей мы все же заменили, процентов тридцать из них рвутся обратно, но это все больные люди. У нас после Чечни нет ни одного здорового офицера.

– А как же положенный после Чечни курс реабилитации?

– Какая там реабилитация… Если посылать из Чечни на лечение, тогда некому будет служить. Оттуда здоровыми возвращаются не более десяти процентов.

– Товарищ полковник, вы верите, что генерал Лебедь сможет изменить обстановку в Чечне?

– В Лебедя я не верю. Не верю и в мир. С Масхадовым я встречался раз десять, это гад из гадов, верить ему нельзя. Сейчас у нас в Чечне только два выхода: или, закрыв глаза от позора, бежать отсюда, или поднимать в воздух дивизию дальнебомбардировочной авиации и… А воевать, как надо… Ну, как можно воевать, если, например чеченцы о передислокации бригады узнают раньше, чем мы получаем приказ. Невольно складывается впечатление, что в высших сферах полно предателей. Кто-то там руководит войной, но только не президент.

– Как вы относитесь к тому, чтобы в Чечне было введено чрезвычайное положение?

– Это развязало бы нам руки. Тогда вся власть там перешла бы к военным, все местные власти вынуждены были бы подчиняться, а мы бы перекрыли все источники поступления денег на войну. А то до чего доходит: там, на нефтепроводах приварены краны, нефть качают на «самогонные» заводы, потом бензин и мазут продают, вот и деньги на войну. Бригада больше пятидесяти таких заводов за это время из огнеметов сожгла.

На днях полковник Ю. Мидзюта в который раз вылетает в Чечню. К своей израненной бригаде.

22. Бамутская баллада

Для рядового Евгения С. война в Чечне, как и обещал президент России Б. Ельцин, закончилась. Сейчас он уже дома, но не потому, что отслужил. Мы сидим с Евгением в Нижегородском кремле на лавочке, и он рассказывает о своей службе в армии. Короткой она получилась, всего несколько месяцев.

– Призвали меня 13 декабря прошлого года, – начал свой рассказ Евгений, – а через неделю мы, 120 нижегородцев, были уже в Моздоке. Попали в самоходную артиллерию, мне сказали, что буду разведчиком-дальномерщиком. Одели нормально, кормили сначала хорошо. Говорили, что в Чечню не попадем. А началось все из-за флюорографии…

– Медосмотр проходили?

– Что-то вроде этого. Врач увидела, что у нас у всех груди синие, и рассказала офицеру.

– А почему синие-то?

– Деды «тормозили», когда подвыпьют. Подполковник нас построил: «Кто вас?» Тех, кто рассказал, оставили в этой части, а меня и других, кто смолчал, – на арсенал. Там нам сразу сказали, что отсюда прямая дорога в Чечню. Месяц грузили на арсенале ящики со снарядами. Сначала одну роту в Чечню отправили, потом вторую, под Бамут. Говорили, что из них почти все погибли. А я как раз заболел, стриптодермит.

– Какая-то редкая болезнь…

Женя задрал штанину и показал язвы на ногах.

– Но и меня отправили с третьей ротой.

– Это с такими- то ногами? А стрелять вас хотя бы научили?

– А там это никого не волнует, умею я стрелять или нет. Шестого апреля вся наша рота оказалась под Бамутом. Сорок солдат, трое сержантов и четыре лейтенанта только что из училищ. Боялись они больше нашего, были случаи, что офицеры сами стрелялись, чтобы в госпиталь попасть. У меня страх прошел, когда увидел убитого друга. Сидели в окопах, чеченцы на расстоянии снайперского выстрела, километров 7—10 от нас.

– То есть ты участвовал в последнем штурме Бамута? Как он проходил?

– Артподготовка была нормальная, миномет нас прикрывали, иногда правда и по нам попадали. Раненых увозили на вертолете. Вертолетов штурмовых я не видел, танков тоже. Чеченцы сидели в ракетных шахтах, и толку от обстрела было мало. Грачев к нам приезжал, я еще в охране стоял, хотя у него своей охраны человек 150 было. Потом начались переговоры с чеченцами, и Дудаев со своими боевиками из Бамута уехал, дали ему уйти в Шали.

– Как Дудаев? Он же погиб гораздо раньше, и не в Бамуте?

– Да ничего он не погиб, живой, скрывается где-то. Это только слухи, что его убили, чтобы легче было скрыться.

– Большие у вас потери были при штурме Бамута?

– Из сорока человек нас осталось двадцать восемь.

– И ты, конечно, стрелял…

– Ну а как же. И чеченцев убитых видел. Там приказ был такой: стрелять всех. Один раз офицер приказал мне стрелять по женщине с ребенком. Я зажмурился и дал очередь в вверх. Получил от него, но хотя бы люди спаслись, успели спрятаться.

– Крутые у вас были офицеры…

– Были и очень хорошие. Разные офицеры. Один послал солдата в село за «травкой», а сам и так уже был в дупель.

– За «травкой»… А что, многие солдаты наркотики употребляли?

– Кто дурак – тот курил. Кто хотел остаться жить – нет. Я один раз попробовал – сразу «крыша едет». А водки там – немерено, с продуктами привозили, каждый день давали.

– Женя, а что было после взятия Бамута?

– Стою я на посту ночью. Идут две фигуры. Говорю: «Стой! Стрелять буду!» Мне в ответ: «Мы тебя, щенок, сами застрелим». Я затвор передернул, дал очередь вверх. Эти двое легли, матерятся по страшному, чувствуется, что пьяные… До утра я их продержал, а рассвело – смотрю, майор и подполковник из ВДВ. Пришел разводящий снял меня с поста. Потом друг ко мне пришел: «Тебя ищут». Прихожу к командиру, вижу – эти двое. «Иди сюда, щенок», – и как шарахнет один из них меня прикладом в лоб. Я тикать… Догоняет меня БТР. Старший лейтенант кричит мне: «Прыгай на броню!» Было у меня три варианта: самосуд, трибунал или побег. Старший лейтенант посоветовал третье. Довез меня на БТРе до Прохладного, это 150 километров от Бамута.

– Почему именно туда?

– А ехали, куда глаза глядят. Я тогда даже не знал, что делать. В Прохладном, где – то на окраине, у меня поднялась температура от выстрела в спину, я упал у какого – то дома. Идет бабушка: «Ты солдатик? Сбежал?» – «Пришлось». Отнесла она со своим сыном меня в дом. Накормили, переодели. Отлежался немного, решил идти. Дали мне продуктов на неделю, и я пошел.

– Но кругом же блокпосты, патрули…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.